Научный электронный журнал «Сфера науки»

2026. Том 1. №7.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №7

Сентябрь 2026 г.

Краснодар, 2026

Содержание

Гражданское право **4**
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА 4
Гильмутдинов Ирек Фларидович
Волков Василий Владиславович

Жилищное право **16**
ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА АПАРТАМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В ЖИЛИЩНОМ ФОНДЕ 16
Белова Вероника Михайловна

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЖИЛИЩНЫМ ПРАВАМ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СФЕРЕ ЖКХ 23
Демидов Артем Сергеевич

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ И ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РФ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 29
Мигулина (Момот) Елена Сергеевна

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ 37
Шацкий Лев Александрович

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЖИЛИЩА» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 43
Шестопалова Полина Сергеевна

Земельное право **49**
НОРМАТИВНАЯ ТАВТОЛОГИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПЕРЕВОДЕ ЗЕМЕЛЬ ИЛИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ В ДРУГУЮ И ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ ЕЁ УСТРАНЕНИЯ 49
Аникина Екатерина Ростиславовна

ВЕРТИКАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГРАНИЦ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 14.1 ЗК РФ 56
Матасова Екатерина Дмитриевна

Семейное право **62**

ПОНЯТИЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ УНИФИКАЦИИ 62
Филиппова Екатерина Антоновна

Уголовное право **70**
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СУБЪЕКТАМИ КОТОРЫХ, ЯВЛЯЮТСЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ 70
Владимиров Данил Владиславович

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ВЫСЕЛЕНИЕ ГРАЖДАН ИЗ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ 80
Грешкова Эвелина Эдуардовна

ЖИЛИЩНЫЕ АЛИМЕНТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РЕБЁНКА НА ЖИЛЬЕ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ 85
Диасамидзе Анна Теймуразовна
Терещенко Инесса Максимовна

ВОЗМЕЗДНАЯ СДАЧА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗУЕМОСТИ 94
Мутовкин Даниил Русланович

БЛАНКЕТНЫЕ НОРМЫ ГЛАВЫ 22 УК РФ И РОЛЬ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ: ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И ИНОГО ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ 102
Суринова Анастасия Вадимовна
Тимошенко Нина Александровна

Уголовно-процессуальное право **117**
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ НАРУШЕНИЙ В МЕХАНИЗМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ (УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА) И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 117
Куянбаева Елена Игоревна

Экологическое право **126**
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРЕВЕНЦИИ НОВЫХ УГРОЗ 126
Сорокина Дарья Андреевна

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Гильмутдинов Ирек Фларидович,
доцент, к.п.н.
ФГБОУ «ВО НГПУ»,
г. Набережные Челны, Россия,
Irek1982@mail.ru
Волков Василий Владиславович,
магистрант 1 курса
ФГБОУ «ВО НГПУ»,
г. Набережные Челны, Россия,
vasa.volkov11@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена гражданско-правовой ответственности учителей физической культуры и образовательных организаций за вред здоровью обучающихся. Рассматриваются нормативные основания (ГК РФ, Федеральный закон № 273-ФЗ), условия наступления ответственности и её формы: возмещение имущественного вреда и компенсация морального вреда. На основе судебной практики и статистики анализируются размеры компенсаций, структура травматизма и случаи внезапной смерти на уроках физкультуры. Показано, что надлежащим ответчиком выступает образовательная организация, что не исключает регрессной ответственности педагога. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к обеспечению безопасности обучающихся.

Ключевые слова: безопасность образовательного процесса, гражданско-правовая ответственность, компенсация морального вреда, образовательная организация, судебная практика, травматизм, учитель физической культуры.

CIVIL LIABILITY OF TEACHERS AND PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS INSTRUCTORS

Gilmutdinov Irek Flaridovich,
Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences
FSBEI HE NGPU,
Naberezhnye Chelny, Russia,
Irek1982@mail.ru
Volkov Vasily Vladislavovich,
1st-year Master's Student
FSBEI HE NGPU,
Naberezhnye Chelny, Russia,
vasa.volkov11@mail.ru

Abstract: The article addresses the civil liability of physical education teachers and educational institutions for harm caused to students' health. It examines the legal grounds (the Civil Code of the Russian Federation, Federal Law No. 273-FZ), the conditions for liability to arise, and its forms: compensation for property damage and compensation for non-pecuniary (moral) harm. Based on judicial practice and statistics, the authors analyze the amounts of compensation awarded, the structure of injury cases, and instances of sudden death during physical education classes. The paper demonstrates that the educational institution is the proper defendant in such cases, although this does not exclude the possibility of recourse liability against the teacher. The authors conclude that a comprehensive approach to ensuring student safety is necessary.

Keywords: safety in the educational process, civil liability, compensation for non-pecuniary harm, educational institution, judicial practice, injuries/traumatism, physical education teacher.

Гражданско-правовая ответственность в образовательном пространстве представляет собой сложный правовой институт, регламентируемый положениями Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2; 3; 16]. Статья 1084 ГК РФ [2] устанавливает, что вред, причинённый жизни или здоровью гражданина, подлежит возмещению в соответствии с правилами главы 59 ГК РФ, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности. Экстраполируя данную норму на образовательный контекст, следует констатировать: травма, полученная обучающимся в ходе занятий физической культурой, порождает обязательство виновного субъекта по возмещению причинённого вреда.

Федеральный закон № 273-ФЗ [16] имплементирует в правовое поле образования обязанность образовательной организации по созданию безопасных условий обучения, воспитания и присмотра за обучающимися. Согласно пункту 7 статьи 28 вышеупомянутого нормативного акта [16], обязанность по обеспечению безопасности жизни и здоровья как обучающихся, так и сотрудников возложена непосредственно на образовательную организацию. Следовательно, именно она, обладая статусом юридического лица, несет основную гражданско-правовую ответственность перед пострадавшим лицом.

Для привлечения учреждения к ответственности требуется наличие полного состава правонарушения: факта причинения вреда, противоправности действий, причинно-следственной связи и вины. В судебной практике под виной образовательной организации традиционно понимается ненадлежащий контроль за несовершеннолетним в период нахождения его под присмотром учреждения [1; 5; 6]

Судебная практика подтверждает, что отсутствие прямого умысла в действиях учащегося не освобождает образовательную организацию от ответственности за причинение вреда здоровью. Так, в одном из дел суд усмотрел вину преподавателя физкультуры в ненадлежащем обеспечении безопасности: педагог не предпринял мер по перемещению детей в безопасную зону, что привело к травмированию ученицы баскетбольным мячом. Суд квалифицировал данное бездействие как нарушение должностных обязанностей [7; 8].

В контексте гражданско-правового регулирования ответственность за повреждение здоровья учащегося на уроке физкультуры дифференцируется на две ключевые формы: компенсацию имущественных потерь и возмещение морального вреда.

Согласно статье 1087 ГК РФ, если здоровью ребенка младше 14 лет был причинен вред, виновная сторона обязана компенсировать все связанные с этим расходы. В перечень возмещаемых затрат входят покупка лекарств, оплата врачебных манипуляций, протезирование и восстановительное лечение в санаториях. На практике иски о возмещении таких расходов часто предъявляются к образовательным организациям. Суды удовлетворяют требования в размере фактически понесенных родителями затрат, суммы которых могут составлять от нескольких тысяч до десятков тысяч рублей.

Статья 151 ГК РФ говорит о том, что если кто-то нарушил ваши личные права или причинил вред вашему здоровью, вы имеете право требовать через суд денежную компенсацию. Моральный вред - это те физические или душевные страдания, которые вы испытали из-за чужих действий или бездействия. По закону, за посягательство на такие важные вещи, как жизнь и здоровье, виновник должен заплатить. При определении размера компенсации суд учитывает степень вины нарушителя, степень физических и нравственных страданий, индивидуальные особенности потерпевшего, а также требования разумности и справедливости [10].

Судебная практика демонстрирует значительный разброс сумм компенсации морального вреда, взыскиваемых с образовательных учреждений за травмы, полученные на уроках физической культуры.

В Омутнинске Кировской области одиннадцатилетняя школьница получила подвывих шейного позвонка при выполнении спортивного упражнения на оценку. Контроль со стороны преподавателя за правильностью выполнения упражнения должным образом организован не был. Суд взыскал в пользу пострадавшей компенсацию в размере 10 000 рублей; педагог привлечён к дисциплинарной ответственности [13].

В Кировской области тринадцатилетняя школьница получила переломы локтевой и лучевой костей руки на уроке физкультуры. Контроль со стороны преподавателя за поведением детей и правильным выполнением упражнений организован не был. По материалам прокуратуры должностное лицо привлечено к дисциплинарной и административной ответственности по статье 5.57 КоАП РФ [4]. Суд взыскал в пользу пострадавшей компенсацию в размере 100 000 рублей; решение исполнено [12].

В Республике Саха (Якутия) ученица пятого класса во время урока физкультуры, выполняя разминочный бег, зацепилась горлом о волейбольную сетку и упала, ударившись затылком. Вследствие ненадлежащей фиксации спортивного оборудования (сетки) несовершеннолетняя получила закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение мозга и ушибы мягких тканей. По результатам прокурорской проверки и последующего судебного разбирательства с образовательного учреждения в пользу пострадавшей взыскана компенсация морального вреда в сумме 200 000 рублей [14].

Суд в Пензе обязал школу выплатить 300 000 рублей компенсации семье ученика 9-го класса, который получил тяжелую травму колена на физкультуре. Выяснилось, что учитель не провел инструктаж перед игрой в футбол и не обеспечил должный надзор за детьми. В итоге школьник перенес серию операций из-за перелома коленной чашечки и разрыва связок [11].

Изучение правоприменительной практики свидетельствует о том, что при расчете суммы компенсации морального вреда суды руководствуются критериями тяжести телесных повреждений, длительностью восстановительного периода, наличием вины самого потерпевшего, а также общими началами разумности и справедливости [10]. При этом фиксируется устойчивая тенденция к увеличению размера выплат в ситуациях, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью несовершеннолетних.

Статистика подтверждает актуальность проблемы детского травматизма. Согласно данным исследований, основная доля повреждений (80%) приходится на активные игры во время перемен, в то время как на уроках физкультуры происходит 18% случаев. Анализ НИИ травматологии выявил наиболее опасные дисциплины: лидирует гимнастика (свыше 55% травм), за ней следуют легкая атлетика и лыжная подготовка (около 23%), а также спортивные игры (более 8%).

Распределение травм по частям тела показывает, что чаще всего страдают верхние конечности - 42,8% всех случаев. Нижние конечности получают травмы в 31,9% ситуаций. Не может не беспокоить высокая доля травм головы (13,8%), в большинстве своем это сотрясения мозга, возникающие при столкновениях во время игр или падениях с гимнастических снарядов. Среди видов повреждений преобладают ушибы (40%), далее следуют растяжения связок и мышц (25%), вывихи (10–15%) и переломы (8–10%).

Ситуация с безопасностью на уроках физкультуры в России остается критической. Уровень внезапной смертности среди школьников в стране в два раза превышает показатели развитых государств, достигая 1,4 случая на 100 тысяч учащихся (около 200 трагедий ежегодно). Примечательно, что подавляющее большинство таких инцидентов (73,6%) происходит непосредственно в стенах школы. Так, по данным Минобрнауки за 2018 год, было зарегистрировано 211 летальных исходов.

Что касается травматизма, то в 2025 году на занятиях спортом пострадало около 15 тысяч детей. Из них 25% были госпитализированы с тяжелыми повреждениями, 35% получили травмы средней степени тяжести, а 40% отделались легкими ушибами. На этом фоне положительно выделяется опыт Татарстана: за три года региону удалось снизить общее число травм со 151 до 107, а количество случаев, требующих стационарного лечения, сократилось вдвое.

Представленная статистика убедительно доказывает остроту проблемы и требует принятия системных мер по её устранению. Травматизм на занятиях физической культурой влечет за собой не только негативные последствия для здоровья и психологического состояния обучающихся, но и создает риски юридической и материальной ответственности как для образовательной организации, так и для педагогических работников.

Принципиально важным является тот факт, что по искам о возмещении вреда, причинённого здоровью учащегося на уроке физкультуры, надлежащим ответчиком выступает образовательная организация, а не учитель напрямую. Это обусловлено положениями статьи 1068 ГК РФ [2], согласно которой юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причинённый его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Учитель физической культуры, состоящий в трудовых отношениях с образовательной организацией, действует от её имени, и ответственность за его действия (или бездействие) несёт работодатель.

Как разъясняется в судебной практике, именно образовательная организация, как юридическое лицо, ответственное за организацию охраны здоровья обучающихся в период их нахождения в образовательной организации, отвечает за вред здоровью, причинённый несовершеннолетним в этой организации. Указанной правовой нормой устанавливается презумпция виновности образовательного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетними [1; 5; 6].

Вместе с тем, это не означает, что педагог полностью освобождается от ответственности. Как показывает практика, образовательная организация, возместившая вред, причинённый работником, приобретает право регрессного требования к этому работнику в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом (статья 1081 ГК РФ) [2]. Ответственность учителя наступает в порядке регресса: школа, возместившая вред, может предъявить требования к учителю. Кроме того, виновные действия учителя могут повлечь для него дисциплинарную ответственность. Судебная практика свидетельствует о том, что учителя физкультуры становились субъектами дисциплинарной ответственности вследствие некачественного выполнения работы, а также административной по ст. 5.57 КоАП РФ ввиду ограничения образовательных прав и свобод воспитанников.

Гражданско-правовая ответственность не существует в одиночку. Одно и то же действие педагога может повлечь за собой несколько видов ответственности одновременно. Например, причинение серьёзного вреда здоровью ученика из-за не надлежащего выполнения своих обязанностей может привести как к гражданско-правовой ответственности образовательной организации перед пострадавшим, так и к дисциплинарной ответственности учителя, а в некоторых случаях - к уголовной ответственности в соответствии с соответствующими статьями Уголовного кодекса РФ [15].

Наиболее показательный случай из судебной практики произошел в Кировской области, где травмирование тринадцатилетней школьницы на уроке физкультуры привело к наложению нескольких видов ответственности. Ответственное лицо было привлечено одновременно к дисциплинарной и административной ответственности по статье 5.57 Кодекса об административных правонарушениях РФ [4], а образовательная организация была обязана выплатить компенсацию морального вреда в размере 100 000 рублей [12]. В Якутске, по результатам расследования несчастного случая и служебного расследования, к дисциплинарной ответственности были

привлечены два виновных лица, а в пользу ребенка с образовательного учреждения была взыскана компенсация морального вреда в размере 200 000 рублей [14].

Гражданско-правовая ответственность учителей физической культуры и образовательных организаций является ключевым инструментом защиты прав учащихся на безопасные условия в процессе обучения. Если административная ответственность выполняет прежде всего исправительную функцию, то гражданско-правовая ориентирована на восстановление нарушенных прав потерпевшего и заглаживание причинённого ему вреда.

Изучение законодательства, судебной практики и статистических материалов позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, главным ответчиком по искам о возмещении вреда, причинённого здоровью учащегося на уроке физкультуры, выступает образовательная организация, однако это не снимает в дальнейшем вопроса о регрессных требованиях к учителю [2; 5]. Во-вторых, гражданско-правовая ответственность проявляется в двух ключевых формах: возмещение имущественного ущерба (в том числе затрат на лечение, лекарства и иные расходы) и компенсация морального вреда, размер которой суд определяет с учётом тяжести физических и нравственных страданий потерпевшего [3; 10]. Судебная практика демонстрирует широкий диапазон сумм компенсации морального вреда — от 10 000 до 1 000 000 рублей, что зависит от тяжести причинённого вреда здоровью [11; 12; 13; 14]. В-третьих, статистические данные по травматизму на уроках физической культуры подчёркивают актуальность данной проблемы: ежегодно регистрируется примерно 15 000 случаев травм, при этом частота внезапной смерти среди детей на этих уроках в России в два раза превышает аналогичный показатель в других развитых странах.

Представленные данные, очевидно, указывают на необходимость комплексного подхода к решению данной проблемы, который должен включать как улучшение качества подготовки педагогических кадров и усиление контроля

за соблюдением техники безопасности, так и обеспечение неотвратимости гражданско-правовой ответственности за причинённый вред. Особая ответственность учителя физической культуры обусловлена тем, что его профессиональная деятельность напрямую связана с физическими нагрузками на детский организм, а значит, требует повышенного внимания, строгого соблюдения методических требований и постоянного контроля за состоянием каждого учащегося.

Библиографический список использованных источников

1. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33 418935/2020 // Портал «Право.ру» (pravo.ru). — О презумпции вины спортивной школы при травме ребёнка на тренировке.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14 ФЗ (ред. от 24.07.2025) // Официальный интернет портал правовой информации (pravo.gov.ru). — Ст. 1064, 1068, 1073, 1081, 1084, 1087, 1099, 1100, 1101.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ (ред. от 24.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — Ст. 151.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 ФЗ (ред. от 24.07.2025) // pravo.gov.ru. — Ст. 5.57.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — П. 9 (презумпция виновности образовательного учреждения).

6. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2019 № 77 КГ19 10 // СПС «Гарант». — О презумпции виновности образовательного учреждения.

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.05.2019 № 77 КГ19 10 // СПС «КонсультантПлюс». — О применении п. 3 ст. 1073 ГК РФ к образовательной организации.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.01.2022 № 47 КГПР21 16 К6 // СПС «КонсультантПлюс». — О возложении ответственности на образовательную организацию по ст. 1068 ГК РФ при ненадлежащем исполнении педагогом обязанностей по присмотру.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» (ред. от 24.06.2024) // Российская газета. 2010. 5 февр. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. 2022. 25 нояб. — Доступ из СПС «Гарант».

11. Решение Железнодорожного районного суда г. Пензы по иску о взыскании компенсации морального вреда (300 000 руб., оскольчатый перелом коленной чашечки, сентябрь 2024 г.) // пресс служба Пензенского районного суда. — 2026. — [Электронный ресурс].

12. Решение Куменского районного суда Кировской области по иску прокуратуры о взыскании компенсации морального вреда (апрель 2025 г., переломы локтевой и лучевой костей, 100 000 руб.) // сайт Генеральной прокуратуры РФ (epp.genproc.gov.ru). — 2025. — [Электронный ресурс].

13. Решение Омутнинского районного суда Кировской области по иску в интересах несовершеннолетней Н.Д. к МАОУ «Омутинская СОШ № 2» о взыскании компенсации морального вреда // ГАС «Правосудие» (sudrf.ru). — 2025. — [Электронный ресурс].

14. Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) по иску прокуратуры г. Якутска о взыскании компенсации морального вреда (200 000 руб.) // сайт Прокуратуры Республики Саха (Якутия) (epp.genproc.gov.ru). — 2025. — [Электронный ресурс].

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 ФЗ (ред. от 24.07.2025) // pravo.gov.ru.
16. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 24.07.2025) // pravo.gov.ru. — Ст. 28 (ч. 6, 7), ст. 41.

УДК 349

ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА АПАРТАМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В ЖИЛИЩНОМ ФОНДЕ

Белова Вероника Михайловна,
студентка 4 курса
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
nika-2014.belova@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется правовой статус апартаментов, а также связанные с ним пробелы в законодательном регулировании. Представлены доктринальные позиции по поводу решения неоднозначности отнесения апартаментов к жилым помещениям. Анализируется постановление Конституционного Суда РФ о предоставления временной регистрации собственникам апартаментов по правилам для жилых помещений.

Ключевые слова*:* апартаменты, временное проживание, жилые помещения, классификация, Конституционный Суд РФ, постоянная регистрация, пробелы правового регулирования.

THE EVOLUTION OF THE STATUS OF APARTMENTS IN RUSSIAN LAW: PROBLEMS OF CLASSIFYING COMMERCIAL REAL ESTATE IN THE HOUSING STOCK

Belova Veronika Mikhailovna,
4th-year student
of the O.E. Kutafin University (MSAL),
Moscow, Russia,

nika-2014.belova@yandex.ru

Annotation: The article examines the legal status of apartments, as well as the related gaps in legislative regulation. It presents doctrinal positions regarding the ambiguity surrounding the classification of apartments as residential premises. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation on granting temporary registration to apartment owners under the rules applicable to residential premises is analysed.
Keywords: apartments, temporary accommodation, residential premises, classification, Constitutional Court of the Russian Federation, permanent registration, gaps in legal regulation.

В период 2023-2024 гг. наблюдался стремительный рост объемов строительства апартаментов. По данным “ДОМ.РФ”, общая площадь апартаментов на стадии строительства составила 7,9 млн метров. Лидерами среди субъектов РФ выступают: Москва, Краснодарский край, Крым, Санкт-Петербург и Московская область [1]. Фактически апартаменты выступили формой массовой жилищной застройки, однако юридически их покупатели оказались в более уязвимом положении, чем граждане-собственники жилых помещений.

Одной из важных пробелов правового регулирования статуса апартаментов является отсутствие официального закрепления данного термина в законах РФ. Единственное толкование представлено в нормах Положения о классификации гостиниц [7], где под категорией «апартаменты» обозначается номер в гостинице общей площадью не менее 40 кв. м, состоящий из 2 и более комнат (гостиной/столовой и спальни), с двухспальной кроватью и мини-кухней. Однако указанное определение не соответствует тому, что представляют из себя исследуемые нами апартаменты – отсутствуют гостиничные услуги, часто передаются без отделочных работ и нередко состоят из одной комнаты [4].

Также еще одной проблемой является существование правовых споров об отнесении апартаментов к числу жилых помещений и распространение на них

правовых гарантий собственников. Так к жилому помещению относят изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан, то есть отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормативам, иным требованиям законодательства [3]. Отсюда можно сделать вывод, что апартаменты не могут входить в жилой фонд, потому что отсутствует признак пригодности к постоянному проживанию в такой недвижимости. Граждане не могут оформить постоянную регистрацию по месту жительства, что влечет сложности с прикреплением к поликлиникам, постановкой детей в детские сады и школы. Апартаменты могут возводиться на земельных участках, предназначенных для коммерческого использования (обычно это гостиницы или офисы), что позволяет застройщикам не обустраивать прилегающую территорию какой-либо социальной инфраструктурой. Аналогично с этим применяются нормы, предназначенные для нежилых сооружений, которые менее связаны со стандартами тишины и другими требованиями, предъявляемых к жилым помещениям.

История правового статуса апартаментов складывается неоднозначно. Так еще в 2016 году Президент РФ дал поручение о реализации проектов строительства жилья, среди которых была и недвижимость, предназначавшаяся для коммерческого найма. В том же году Государственная Дума направила парламентский запрос об информировании депутатов о предпринятых мерах, связанных с ситуацией вокруг апартаментов, в результате чего, ответа так и не поступило [4]. После в 2018 году депутатом А.Г. Сидякиным был внесен законопроект, который предполагал их приравнивание к жилым помещениям. Однако Верховный суд РФ и Комитет жилищной политики и жилищно-коммунального хозяйства Государственной думы отреагировали на него отрицательно, поскольку данный акт предполагал предоставление субъектам РФ самостоятельно устанавливать критерии для признания апартаментов жилым помещением, что могло бы вызвать разрозненное определение такого жилья.

В юридической литературе также существуют споры по данному вопросу. К.В. Зайченко, А.Г. Сидякин и М.В. Львом предлагают полностью приравнять апартаменты к жилым помещениям, что требует внести соответствующие изменения в Жилищный кодекс. Иного мнения придерживаются А.Л. Шиловская и М.М. Монастырев, признавая под термином апартаменты именно нежилое помещение, функциональное назначение которого заключается во временном проживании, подобно гостиничному номеру, но не являющееся им [4].

Логичной и структурированной кажется позиция М.С. Иванова, предложившего разделить апартаменты на категории. Те из них, что расположены в жилых домах, следует признать жилым помещением, уравняв их юридически; те, что находятся в деловых или иных центрах, считать нежилым помещением; остальные отнести к гостиницам, отелям.

Из современных тенденций изменения статуса апартаментов можно выделить постановление Конституционного Суда РФ по жалобе гражданки Пиуновой В.И [6]. В постановлении Суд подчеркивает наличие у апартаментов признаков изолированности и обособленности как самостоятельного объекта гражданского оборота, который физическое или юридическое лицо может приобрести в свою собственность. Отсюда делается вывод о функциональной способности таких нежилых помещений к размещению граждан для их временного проживания.

Суд учитывает те трудности, с которым приходится сталкиваться при отсутствии какой-либо регистрации по месту жительства или пребывания, в том числе приводящих к воспрепятствованию создания достойных условий для жизни и свободного развития человека. В свою очередь, это подчеркивает правовую проблему статуса апартаментов в нашей стране в связи с наличием ряда ограничений у собственников такого «неживого» имущества.

Конституционный суд в резолютивной части постановил до внесения изменений в действующее законодательство разрешить гражданам-собственникам нежилых помещений и их семей (с наличием письменного

согласия собственников и доказательств родства) регистрироваться по тем же правилам, что установлены для жилых помещений. Однако изменение затронуло не любое нежилое помещение, а только сходные с квартирами в многоквартирном доме, предусмотренных для пребывания граждан и не относящихся к номерному фонду средств размещения – гостиниц или отелей.

В современных реалиях апартаменты квалифицируются как «нежилое» помещение, предназначенного для временного пребывания граждан. Вследствие этого их собственники лишены всех прав и гарантий, предусмотренных Жилищным кодексом, поскольку перечень жилых помещений носит исчерпывающий характер. Земельные участки под апартаментами не являются общедолевой собственностью, в отличии от земельных участков многоквартирных домов. Кроме того, статус апартаментов влечет и повышенную налоговую нагрузку (начисляется земельный налог в пределах 1,5%, в отличие от налоговой ставки на имущество физ. лиц на жилое помещение, которое не может превышать 0,1% [5]) и более высокий «коммерческий» тариф на коммунальные услуги.

Актуальным остается запрос на разработку классификации апартаментов, необходимость которого связывают с формированием критериев для перевода в статус жилых помещений, распространение на них требований о социальной инфраструктуре и применение пониженной налоговой ставки [2].

Несмотря на то, что у апартаментов отсутствует исполнительский иммунитет, поскольку те не относятся к жилым помещениям, суд всё равно встает на сторону должника. В таких случаях акцент внимания не на формальные признаки непринадлежности к жилому фонду помещения, в котором проживает гражданин, а на то, что само лицо рассматривает это помещение в качестве пригодного для постоянного проживания в нём [8].

Исходя из всего перечисленного, представляется сделать вывод о том, что правовое положение апартаментов в современном российском законодательстве находиться в неопределенном состоянии. От отсутствия законодательного

определения до противоречащей практики (применения исполнительного иммунитета единственного жилого помещения) - все это приводит к правовым коллизиям и спорам. В результате чего для решения такой ситуации необходимо закрепить легальное понятие апартаментов и причислить их к категории жилых помещений для более эффективной защиты жилищных прав граждан.

Библиографический список использованных источников

1. В 2024 году объем новых проектов по строительству апартаментов вырос на 34% // PROбанкротство. 28.08.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://probankrotstvo.ru/news/v-2024-godu-obieem-novyx-proektov-po-stroitelstvu-apartamentov-vyros-na-34-6786?ysclid=mur96bfiy6685975618 (дата обращения: 02.10.2026).

2. Гришмановский Д.Ю., Тенетко А.А. Апартаменты как вид жилого помещения: направления и инициативы совершенствования законодательства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. №3. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/apartamenty-kak-vid-zhilogo-pomescheniya-napravleniya-i-initsiativy-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva (дата обращения: 01.10.2026).

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 15.

4. Захаров А. В. Юридический статус современных апартаментов // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2020. №2 (8). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-status-sovremennyh-apartamentov (дата обращения: 01.10.2026). С. 16.

5. Коваленко Е. Г. Экономические и правовые аспекты использования апартаментов // Юридическая наука и практика. 2026. №1. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-i-pravovye-aspekty-ispolzovaniya-apartamentov (дата обращения: 01.10.2026).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2026 N 4-П "По делу о проверке конституционности статей 2 и 3 Закона Российской Федерации "О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации", а также пунктов 3, 12 и 14 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Пиуновой Виктории Игоревны" // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_525729/ (дата обращения: 30.09.2026).

7. Постановление Правительства РФ от 16.02.2019 № 158 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 772.

8. "Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) (ред. от 29.04.2026) // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/738f645bbcc7ffdaea94e3119d92c751eee0ed23/ (дата обращения: 01.10.2026).

УДК 349

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЖИЛИЩНЫМ ПРАВАМ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СФЕРЕ ЖКХ

Демидов Артём Сергеевич,
студент 4 курса
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
artemdemidov723@gmail.com

Аннотация: анализируется инициатива создания в России института Уполномоченного по защите жилищных прав, необходимость создания которого обосновывается системным характером жилищных проблем, критической массой обращений граждан и неспособностью отдельных жалоб решить проблему комплексно. Институту отводится ключевая роль в фильтрации обращений граждан и защите уязвимых категорий населения.

Ключевые слова: жилое помещение, защита жилищных прав, институт Уполномоченного, мораторий, права граждан, приоритет уязвимых групп, экспертная фильтрация.

THE INSTITUTION OF AN UMPIRE FOR HOUSING RIGHTS AS A MECHANISM FOR COUNTERING SYSTEMIC VIOLATIONS IN THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES SECTOR

Demidov Artem Sergeevich,
4th-year student
of the O.E. Kutafin University (MSAL),

Moscow, Russia,
artemdemidov723@gmail.com

***Abstract**:* The initiative to establish an institution of an Ombudsman for the Protection of Housing Rights in Russia is being analysed. The need to create such an institution is justified by the systemic nature of housing problems, the critical volume of citizens' appeals, and the inability of individual complaints to resolve the issue comprehensively. The institution is assigned a key role in filtering citizens' appeals and protecting vulnerable categories of the population.

Keywords: residential premises, protection of housing rights, institution of the Ombudsman, moratorium, citizens' rights, priority for vulnerable groups, expert filtering.

Жилищные споры относятся к числу наиболее сложных категорий дел в российской судебной практике. Согласно экспертным оценкам, за 2024 год было рассмотрено порядком 11 млн. жилищных споров [8]. Тысячи граждан вынуждены годами в одиночку бороться с проблемами, обращаясь в различные инстанции. Типичный пример - отказ муниципальной администрации предоставить жилое помещение детям-сиротам по договору найма специализированного жилого помещения на основании нехватки финансирования [6]. Столь массовый характер обращений в сочетании с системными сбоями на муниципальном уровне демонстрирует то, что разрозненные жалобы граждан уже не могут быть решены на местах, и их критическая масса обосновывает необходимость внедрения единого федерального механизма, который бы смог обобщить судебную практику и предложил бы изменения в действующее законодательство нашей страны.

Как отмечают эксперты, в России до сих пор не существует специализированного независимого института, который был бы ориентирован исключительно на защиту жилищных прав граждан [4]. Разрозненные

обращения отображают системный характер проблемы, для решения которой необходимы комплексные изменения. Институт Уполномоченного по жилищным правам мог бы быть тем самым рабочим механизмом, который бы превратил отдельные обращения граждан в конкретные изменения законодательства.

В период пандемии COVID-19 в качестве меры поддержки строительной отрасли был введен мораторий на применение неустойки, возмещения убытков и иных последствий за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору участия в долевом строительстве [5], действие которого завершилось лишь к 1 январю 2026 г. Постановление Правительства РФ способствовало минимизации риска банкротства застройщиков в условиях экономической нестабильности, но в той же мере привело к временному лишению граждан существенного рычага давления на нарушения со стороны застройщиков.

Несмотря на формальное окончание моратория, правовая неопределенность сохраняется. Граждане, оказавшиеся в уязвимом положении, сталкиваются с системными трудностями при защите своих интересов. Основная проблема заключается в том, что суды по-прежнему продолжают применять для расчета неустойки льготные ставки периода моратория вместо актуальной ключевой ставки Центрального банка РФ. Кроме того, даже положительный исход судебного разбирательства для дольщика не гарантирует незамедлительного получения средств, поскольку фактически выплата может затягиваться на неопределенный срок [1].

Представляется, что работа Уполномоченного по защите жилищных прав граждан будет основана на экспертной оценке и приоритете помощи уязвимым категориям граждан. Показателен опыт института бизнес-омбудсмена: его ключевой задачей является фильтрация обращений - отделение реальных уголовных дел от попыток решения гражданских споров и актов недобросовестной конкуренции, поскольку необоснованное уголовное

преследование наносит предпринимателям непоправимый репутационный ущерб [2, с. 204]. Опыт смежных правозащитных институтов демонстрирует ключевой механизм работы омбудсмена по жилищным правам - отсеивание обращений граждан.

Задачей Уполномоченного по защите жилищных прав станет отделение рядовых конфликтов с управляющими организациями и межличностных бытовых споров от реального и систематического нарушения норм жилищного законодательства РФ. При этом фокус деятельности омбудсмена будет сосредоточен на приоритетном мониторинге защиты прав социально незащищенных граждан - пенсионеров, инвалидов, многодетных семей и иных категорий, нуждающихся в особой поддержке со стороны государства.

Особое место в деятельности института Уполномоченного займет защита прав граждан, проживающих в аварийном и ветхом жилье, которые нередко сталкиваются с бюрократическими барьерами, предоставлением неравнозначных квартир и заниженной рыночной стоимости [3, с. 461]. В ряде случаев гражданам приходится обращаться в суд, оспаривая решения органов муниципальных образований, чтобы их правовые основания на удовлетворение исковых требований были признаны законными (например, требование о предоставлении жилого помещения взамен изымаемого [6]). Помимо перечисленных случаев в зону ответственности института войдет защита прав граждан, не связанных с защитой жилищных прав в спорах с управляющими компаниями.

Речь идет о помощи детям-сиротам в реализации их законного права на получение жилья, а также поддержке тех, кто лишился единственного дома из-за стихийных бедствий или противоправных действий мошенников. Для этого институту предстоит решить комплексную нормативную задачу по восстановлению муниципального фонда жилья. Формирование маневренного жилого фонда станет реальным инструментом оперативной социальной защиты. Это позволит не только фиксировать какие-либо нарушения, но и предоставлять

многодетным семьям и иным социально незащищенным категориям граждан временное размещение в оборудованных жилых помещениях, не дожидаясь завершения длительных бюрократических процедур.

Следовательно, внедрение института Уполномоченного по защите жилищных прав граждан позволит не только систематизировать колоссальный поток из обращений граждан и преодолеть правовую неопределенность, возникшую после моратория на неустойку для дольщиков, но и сформировать единый центр компетенции, который обобщит разрозненную судебную практику и станет инициатором необходимых изменений в законодательстве, в том числе направленных на восстановление муниципального жилищного фонда, размещение граждан, пострадавших от стихийных бедствий или мошеннических схем, безусловном обеспечении жильем детей-сирот и т.д.

Библиографический список использованных источников

1. Бахирев Александр. Неустойка по ДДУ после 01.01.2026: как суды рассматривают требования дольщиков // zakon.ru. 08.04.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2026/4/8/neustojka_po_ddu_posle01012026_kak_sudy_rassmatrivayut_trebovaniya_dolschikov?amp&&&ysclid=muf7d4tkj3176419514& (дата обращения: 22.09.2026).

2. Долотов Р. О., Поросенков Г. А. Институт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и митигирование коррупционных рисков при уголовном преследовании предпринимателей // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. №1 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-upolnomochennogo-pri-prezidente-rf-po-zaschite-prav-predprinimateley-i-mitigirovanie-korruptsionnyh-riskov-pri-ugolovnom (дата обращения: 23.09.2026).

3. Жумабаева Д. Х. Жилищные права уязвимых групп населения // Вестник науки. 2026. №5 (98). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhilischnye-prava-uyazvimyh-grupp-naseleniya (дата обращения: 24.09.2026).

4. Михеева Анастасия. Права граждан. Юристы выступили за создание института жилищного омбудсмена // AIF.RU. 07.09.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/law/prava-grazhdan-yuristy-vystupili-za-sozdanie-instituta-zhilishchnogo-ombudsmena (дата обращения: 23.09.2026).
5. Постановление Правительства РФ от 18.03.2024 N 326 (ред. от 30.12.2025) "Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве" // СПС "Консультант Плюс". [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472727/?ysclid=muecq3usr394146415 (дата обращения: 21.09.2026).
6. Решение № 2-355/2021 2-355/2021~М-241/2021 М-241/2021 от 21 июля 2021 г. по делу № 2-355/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/vNpVjhFruboh/ (дата обращения: 25.09.2026).
7. Решение № 2-121/2021 2-121/2021~М-72/2021 М-72/2021 от 3 марта 2021 г. по делу № 2-121/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/oQXmZNLUwMUR/ (дата обращения: 24.09.2026).
8. Шевлягина Ольга. Эксперт: каждое четвёртое дело в судах России – спор о долгах за ЖКУ // РосКвартал. 12.08.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://roskvartal.ru/news/vzyskanie-dolgov/ekspert-kazhdoe-chetvyertoe-delo-v-sudah-rossii-spor-o-dolgah-za-zhku?ysclid=muu7kr7i3306727990 (дата обращения: 19.09.2026).

УДК 349.41:349.444

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ И ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РФ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Мигулина Елена Сергеевна,
студентка 4 курса
Севастопольский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
г. Севастополь, Россия,
elena777happy@yandex.ru

Аннотация: в представленной работе исследуются ключевые вопросы, связанные с защитой законных интересов граждан в сфере земельных и жилищных правоотношений. Основываясь на конкретном примере правоприменительной практики в городе Севастополе, автор рассматривает деструктивные последствия устных соглашений при найме жилых помещений, неправомерное отчуждение недвижимого имущества и дефицит социальных гарантий для незащищенных категорий населения. Особое внимание уделено корреляции конкретных положений Конституции РФ и Жилищного кодекса РФ, а также парадигме устойчивого развития территорий через предоставление гражданам земли для родовых поместий и экологического строительства взамен массовой многоэтажной застройки.

Ключевые слова: жилищные правоотношения, Жилищный кодекс, защита законных интересов, земельное законодательство, Конституция России, родовые поместья, Севастополь, устойчивое развитие, экологическое направление.

CURRENT PROBLEMS OF ENSURING AND PROTECTING CITIZENS' HOUSING AND LAND RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL, LEGAL AND PRACTICAL ASPECTS

Migulina Elena Sergeevna,
4th year student
Sevastopol branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
Sevastopol, Russia,
elena777happy@yandex.ru

Abstract: the presented paper examines the key issues related to the protection of the legitimate interests of citizens in the field of land and housing legal relations. Based on a specific example of law enforcement practice in the city of Sevastopol, the author examines the destructive consequences of oral agreements when renting residential premises, illegal alienation of real estate and the shortage of social guarantees for vulnerable categories of the population. Particular attention is paid to the correlation of the provisions of the Fundamental Law of the country and the Housing Code of the Russian Federation, as well as the paradigm of sustainable development of territories through the provision of land to citizens for ancestral domains and ecological construction instead of mass high-rise buildings.

Keywords: housing legal relations, Housing Code, protection of legitimate interests, land legislation, Constitution of Russia, ancestral domains, Sevastopol, sustainable development, ecological direction.

Вопросы обеспечения населения жилой площадью и создание стабильного механизма защиты земельных и жилищных прав выступают в качестве базовых элементов социально-экономической политики правового государства.

Действующая нормативно-правовая база Российской Федерации декларирует приоритет охраны прав человека, однако реальное состояние правоприменения регулярно обнажает глубокие институциональные противоречия. В результате подобных дефектов граждане, особенно относящиеся к социально уязвимым группам, оказываются лишены эффективных инструментов правовой самообороны.

Фундаментальные детерминанты регулирования имущественных и жилищных связей зафиксированы на высшем законодательном уровне — в Конституции Российской Федерации [4]. Часть 1 статьи 40 Конституции РФ провозглашает неотъемлемое право каждого индивида на жилище, постулируя недопустимость его произвольного изъятия [4]. Данный вектор неразрывно связан со статьей 25 Конституции РФ, гарантирующей неприкосновенность личного пространства и жилища, которая находит отражение как в международно-правовых стандартах, так и в актах национальной юрисдикции [4]. Помимо этого, статья 36 Конституции РФ подкрепляет право граждан на владение и распоряжение земельными наделами [4], а статья 38 Конституции РФ устанавливает императив государственной опеки над институтами семьи, материнства и детства [4].

Данные концептуальные подходы получают детальное развитие в нормах Жилищного кодекса РФ [2]. Статья 1 ЖК РФ вменяет в обязанность органам государственной и муниципальной власти создание необходимых условий для беспрепятственного воплощения гражданами их жилищных прав, обеспечивая при этом их безопасность и правовую защищенность [2]. Статья 3 ЖК РФ нормативно закрепляет принцип неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения [2]. В то же время статья 11 ЖК РФ определяет инструментарий восстановления нарушенных интересов и включает в себя широкий спектр юридических механизмов: от официального признания субъективного права до принудительного пресечения неправомерных действий, искажающих первоначальное положение сторон [2].

Тем не менее, повседневная правоприменительная реальность нередко демонстрирует примеры откровенного игнорирования упомянутых императивов. Характерным и репрезентативным примером выступает затяжной правовой конфликт в городе Севастополе, развивающийся с 2010 года. Пострадавшая сторона осуществила крупные финансовые вложения, эквивалентные полной стартовой стоимости объекта недвижимости на тот период (порядка 2,5 млн рублей), с целью благоустройства и оснащения квартиры мебелью и бытовой техникой. Взаимоотношения с пожилой владелицей недвижимости строились на принципах взаимного доверия и были закреплены в устной форме, подкрепляясь постоянным физическим уходом за нетрудоспособной женщиной и оказанием ей медицинской поддержки. Однако в 2018 году в данные правоотношения вмешался сторонний субъект. Используя противоправные методы психологического прессинга, шантаж депортацией и апеллируя к мнимому или реальному административному ресурсу (ввиду службы супруга в органах ФСБ), данные лица незаконно выселили женщину совместно с малолетним ребенком, присвоив находящееся внутри имущество. В настоящее время заявительница, равно как и значительное число граждан в аналогичном положении, полностью лишена собственности на землю или жилье, что свидетельствует о системном характере проблемы в регионе [5].

Анализируя данную ситуацию сквозь призму юриспруденции, необходимо констатировать наличие грубых нарушений как материальных, так и процессуальных институтов права. Прежде всего, был нарушен конституционный постулат о неприкосновенности жилища, закрепленный в статье 25 Конституции РФ [4]. Любое принудительное выселение граждан из занимаемых помещений легитимно исключительно по основаниям, прямо прописанным в федеральных законах, и реализуется сугубо на основании судебного решения, что регламентировано частью 4 статьи 3 ЖК РФ [2]. Самоуправные действия третьих лиц по экспроприации недвижимости подлежат однозначной уголовно-правовой квалификации.

Особого внимания требует аспект ущемления прав несовершеннолетнего. Часть 1 статьи 38 Конституции РФ закрепляет государственные гарантии защиты детства [4]. Изгнание ребенка из единственного доступного места проживания без предоставления альтернативной площади и в обход органов опеки выступает прямым посягательством на его законные интересы. Вектор развития норм статьи 1 ЖК РФ и иных положений жилищного законодательства ориентирован на безусловное пресечение любых действий, способных повлечь ухудшение жилищного положения детей [2].

С позиции гражданского права ключевой ошибкой стало игнорирование письменной формы сделки, что детерминировало последующие сложности в процессе доказывания факта легитимного пользования объектом и передачи денежных средств, нарушая базовый порядок, развивающий общие начала защиты прав, закрепленные в статье 11 ЖК РФ [2; 3]. Законодательство императивно требует заключения соглашений между гражданами в простой письменной форме, если сумма сделки превышает установленные законом пороговые значения. Нарушение данного правила исключает возможность ссылаться на свидетельские показания, однако оставляет за сторонами право оперировать иными средствами доказывания [3]. Чеки, договоры купли-продажи мебели, квитанции о транзакциях и медицинские документы, подтверждающие уход за собственником, должны были составить основу доказательственной базы в суде для защиты интересов по правилам статьи 11 ЖК РФ [2].

Не менее важным фактором в рассматриваемом кейсе выступило так называемое «номенклатурное давление», когда нарушители использовали статус сотрудников силовых ведомств для запугивания пострадавших [1]. Это вступает в прямое противоречие с частью 1 статьи 19 Конституции РФ, закрепляющей принцип равенства всех граждан перед законом и судом, невзирая на их должностной статус [4]. Органы прокуратуры и следственные комитеты обязаны осуществлять бескомпромиссные проверки по фактам злоупотребления

полномочиями и угроз, гарантируя право на государственную защиту в соответствии со статьей 45 Конституции РФ [1; 4].

Жилищный кризис в Севастополе во многом обусловлен спецификой интеграционных процессов региона в правовую систему РФ после 2014 года [5]. Значительная часть постоянного населения оказалась уязвимой перед недобросовестными субъектами рынка недвижимости из-за хаотичного состояния документации предыдущих периодов [5]. Отсутствие у пострадавших граждан доступа к земельным участкам и жилому фонду указывает на низкую эффективность местных социальных программ, которые призваны реализовывать предписания части 2 статьи 40 Конституции РФ о стимулировании жилищного строительства и создании условий для осуществления права на жилище со стороны государства [4].

В контексте обеспечения долгосрочной экономической и экологической безопасности регионов назрела необходимость кардинального пересмотра современной градостроительной и земельной политики в рамках реализации статьи 9 Конституции РФ, определяющей землю как основу жизни и деятельности народов [4]. Вместо повсеместной коммерческой застройки территорий обезличенными многоэтажными жилыми комплексами, перегружающими инфраструктуру и ухудшающими экологическую обстановку, стратегически важно внедрять концепцию устойчивого развития пространств. Ее ядром должно стать повсеместное выделение гражданам участков земли для организации родовых поместий и индивидуального жилищного строительства в соответствии со статьей 36 Конституции РФ [4] и принципами экологической безопасности, закрепленными в статье 42 Конституции РФ [4].

Право на землю имеет глубокие исторические и морально-нравственные корни. В таком стратегическом регионе, как город-герой Севастополь, где поколения предков отдавали свои жизни в кровопролитных сражениях за родную землю, лишение их потомков элементарной возможности обладать собственным земельным наделом выглядит исторической несправедливостью.

Каждый гражданин по праву рождения и преемственности поколений должен иметь гарантированный доступ к земельным ресурсам своей страны. Переход к созданию экопоселений и родовых поместий не только решит острый жилищный кризис, но и позволит восстановить баланс между урбанизацией и сохранением природной среды, гарантируя реальную экономическую самодостаточность семей и продовольственную безопасность государства.

Для нивелирования подобных негативных тенденций необходима модернизация контрольных механизмов. Со стороны властных структур требуется ужесточение надзора за посредническими операциями с недвижимостью, создание резервного маневренного фонда для экстренной помощи семьям с детьми, пострадавшим от мошеннических действий, внедрение прогрессивных норм земельного права по бесплатному выделению наделов для ведения родового и экологического хозяйства, а также расширение системы бесплатной юридической помощи [3]. Гражданам же следует избегать устных договоренностей, тщательно документировать финансовые операции и немедленно обращаться в надзорные инстанции при первых попытках давления со стороны третьих лиц.

Библиографический список использованных источников

1. Сфера науки. 2026. Т. 1. Выпуск 6. [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=192496

2. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 01.03.2026).

3. Иванцова О. В. Проблемы защиты прав граждан при расторжении договоров найма жилых помещений // Жилищное право. – 2024. – № 4. – С. 18–25.

4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

5. Севастопольский правовой вестник: актуальные вопросы интеграции жилищного законодательства / под ред. Д. А. Ковалева. – Севастополь: Норма, 2025. – 312 с.

УДК 349

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Шацкий Лев Александрович,
студент 4 курса
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
ShackiLev@yandex.ry

Аннотация*:* В статье рассматривается острая проблема российского права, которая представляет собой проблему определения пределов исполнительского иммунитета единственного жилого помещения в процедуре банкротства физического лица. Рассматривается правовая коллизия конституционного права на жилище и имущественные интересы кредиторов. В статье была проанализирована судебная практика применения включения единственного жилья должника в конкурсную массу.

Ключевые слова*:* банкротство физического лица, единственное жилое помещение, интересы кредиторов, исполнительский иммунитет, конкурсная масса, право на жилище, финансовое оздоровление.

EXECUTIVE IMMUNITY OF THE ONLY RESIDENTIAL PREMISES IN THE BANKRUPTCY PROCEDURE FOR THE RESIDENTIAL PREMISES

Shatsky Lev Alexandrovich,
4th-year student
of the O.E. Kutafin University (MSAL),

Moscow, Russia,
ShackiLev@yandex.ry

Annotation: The article examines a pressing issue in Russian law, which is the problem of defining the limits of the executory immunity of a single residential property in the bankruptcy proceedings of an individual. The legal conflict between the constitutional right to housing and the property interests of creditors is considered. The article analyzes the judicial practice of including a debtor's single residential property in the bankruptcy estate.

Keywords: Bankruptcy of an individual, the only residential property, creditors' interests, enforcement immunity, bankruptcy estate, the right to housing, financial rehabilitation.

Институт банкротства граждан был интегрирован в российскую правовую сферу в 2015 году. Изначально он использовался для двух целей: реабилитация добросовестных должников и справедливое удовлетворение имущественных требований кредиторов. Однако правоприменительная практика выявила правовую коллизию между имущественными спорами кредиторов и конституционным правом гражданина на жилище.

Ключевым аспектом данной коллизии является исполнительский иммунитет единственного жилья, регламентированный в ст. 446 ГК РФ. Так, согласно данной норме, взыскание не может быть обращено на жилое помещение, если оно является единственным пригодным для проживания должника и его семьи [1]. Представленное положение является государственной гарантией конституционного права на жилье и защищает граждан от произвольного лишения места жительства. В контексте института банкротства этот иммунитет выполняет социальную функцию по предотвращению маргинализации должника и обеспечивает соблюдение незыблемых прав.

Применение исполнительского иммунитета в делах о банкротстве нередко становится инструментом для злоупотребления правом. В ситуации когда должник владеет единственным, но избыточным по площади «роскошным» жильем, возникает конфликт интересов: абсолютная защита жилищных прав должника вступает в противоречие с законными требованиями кредиторов.

Законодательное регулирование данного вопроса не эффективно, поскольку нормативные правовые акты не закрепляют четких критериев условий добросовестного использования исполнительского иммунитета. В законе фактически закреплено два условия его применения. Во-первых, оно должно принадлежать на праве собственности гражданину-должнику. Во-вторых, должно быть единственным пригодным для проживания должника и членов его семьи.

В 2012 году Конституционный суд выделил, что исполнительский иммунитет должен распространяться на «на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимых потребностей в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения» [3]. На данный момент все еще нет законодательной нормы, регулирующей позицию Конституционного суда. При этом в 2021 году суд уточнил свою позицию, указав, что нормы об исполнительском иммунитете не могут является нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на единственное жилое помещение должника в ситуации, когда суд считает его применение необоснованным [4]. Следовательно, суды теперь не вправе исключать единственное жилье из конкурсной массы, они должны учитывать конкретные обстоятельства дела, в том числе и рыночную стоимость жилья.

Помимо этого, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что судам, рассматривающим дело о банкротстве, следует исходить из необходимости как удовлетворить требования кредиторов, так и защиты конституционного права на

жилье должника и членов его семьи, обеспечивая нормальные условия существования и гарантии их социально-экономических прав [5].

Сейчас судебная практика пошла по пути установления баланса законных интересов сторон правоотношения с учетом их добросовестного поведения. Отсутствие законодательного закрепления условий от использования исполнительского иммунитета не мешает судам вырабатывать практические критерии включения единственного жилья в конкурсную массу. Например, в случае, если имущество было приобретено на доходы, полученные преступным путем, оно исключаются из конкурсной массы, поскольку было приобретено недобросовестно.

Такая же ситуация и при недобросовестном поведении должника, если он намеренно до начала процедуры банкротства начинает избавляться от иных жилых помещений. Так, в рамках дела о банкротстве № А53-15496/2017 суд включил единственное жилое помещение в конкурсную массу, поскольку должник подарил дом площадью 360 кв.м и два участка. Суд первой инстанции отменил сомнительную сделку, а Верховный суд подтвердил, что собственник злоупотреблял правом [2]. Кроме это судебная практика выделяет, что если характеристики единственного пригодного жилого помещения превышают разумные потребности в жилье, то такое поведение тоже считает недобросовестным. По делу N А56-71357/2015 суд пришел к выводу, что выбранный объект недвижимости для проживания в виде квартиры стоимостью в 20,8 млн рублей, ставит кредитора в невыгодное имущественное положение, поскольку в конкурсную массу был включен дом, который оценивался в 1 млн [6].

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что механизм исполнительского иммунитета является безусловно важным в правовой и экономической среде российского общества, в том числе и для института банкротства. Исключение из правил о недопустимости обращения взыскания на единственное пригодное жилье, в значительной мере распределяет

баланс интересов кредиторов и должника. Однако, по нашему мнению, при недобросовестном поведении именно кредитора, должник и члены его семьи будут в менее защищенном положении. Поэтому считается необходимым законодательно закрепить четкие критерии и основания для определения единственного пригодного для проживания жилого помещения должника.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ): Федеральный закон от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 446.

2. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июля 2019 года Дело N А53-15496/2017 // СПС КонсультантПлюс.URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=590812#t2XzvWV2ktoaf6Or (дата обращения 03.10.2026).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. N 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // СПС_КонсультантПлюс.URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129823/ (дата обращения 03.10.2026).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова». //СПС_КонсультантПлюс.URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382961/ (дата обращения 03.10.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года №48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и

распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС КонсультантПлюс.URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314621/ (дата обращения 03.10.2026).

6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 октября 2017 г. по делу № А56-71357/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/mBA94AHfGKu/ (дата обращения 03.10.2026).

УДК 349

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЖИЛИЩА» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Шестопалова Полина Сергеевна,
Студент 4 курса
Университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
polina_shestop@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные подходы к правопониманию понятия «жилище» как категорий уголовного и конституционного права. В связи с усложнением социальных связей, появления новых форматов проживания, таких как апартаменты, коливинги, модульные дома и развития цифровой среды традиционное легальные определения жилища, закрепленные в различных нормативных правовых актах, являются ограниченным.

Ключевые слова: жилище, жилое помещение, конституционные права, личная свобода, неприкосновенность жилища, неприкосновенность жилого помещения, правовая неопределенность.

LEGAL UNCERTAINTY REGARDING THE CONCEPT OF «HOUSING» IN RUSSIAN LEGISLATION

Shestopalova Polina Sergeevna,
Fourth-year student
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia,
polina_shestop@mail.ru

Abstract: The article examines the main approaches to the legal understanding of the concept of “housing” as a category of criminal and constitutional law. Due to the increasing complexity of social relations, the emergence of new housing formats such as apartments, co-living spaces, and modular homes, and the development of the digital environment, the traditional legal definitions of housing, enshrined in various regulatory legal acts, are limited.

Keywords: housing, residential premises, constitutional rights, personal freedom, inviolability of the home, inviolability of residential premises, legal uncertainty.

В конституционно-правовом смысле право на неприкосновенность жилища занимает особое место, поскольку оно обеспечивает основные права и свободы личности, являясь одним из приоритетных направлений государственной политики и обеспечивается системой гарантий. Оно выступает не просто элементом приватности, но и фундаментальной гарантией личной свободы, обеспечивающей автономию человека от произвольного вмешательства государства. Ежегодно более тысячи обвинительных приговоров выносится по ст. 139 УК РФ, которая непосредственно затрагивает проблему нарушения данного незыблемого права.

Конституция РФ обеспечивает неприкосновенность жилища путем запрета на проникновение против воли проживающих в нем лиц, за исключением случаев предусмотренных федеральным законом или на основании решения суда. При этом случае ограничения такого права должны применяться в той мере, в которой это необходимо для защиты основ конституционного строя [3].

Однако, несмотря на конституционную регламентацию, проблема правовой неопределенности возникает при производстве следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, когда такие деяния затрагивают право на неприкосновенность жилища. В результате отсутствия единства понимания

термина «жилище» в законодательстве одной юридической силы делает процедуру получения решения суда крайне затруднительной.

Анализ законодательной базы прямо показывает существующую терминологическую неопределенность к пониманию жилища. Из-за этого вытекает проблема в определении того недвижимого имущества, которое будет в полной мере обладать неприкосновенностью, согласно ст. 25 Конституции РФ. Исходя из этого, возникают сложности для производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих право на неприкосновенность жилища.

Приведем примеры понятий «жилища» в различных отраслях права.

Уголовный кодекс в ст. 139 УК РФ определяет жилище максимально широко — «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания» [8]. Из этого можно сделать вывод, что под понятие жилища может попадать туристическая палатка, садовый дом или чум.

Для подтверждения можно привести пример из судебной практики. В 2019 году суд вынес обвинительный приговор мужчине, который разбил кирпичом окно садового дома и проник в него с целью переночевать, а также съел находящиеся в холодильнике продукты [6]. Суд счел садовый дом жилищем, поскольку дом был оборудован для временного проживания, там было проведено электричество, водоснабжение, а также находилась мебель.

Уголовно-процессуальный кодекс использует похожее определение термина «жилище». Ч. 10 ст. 5 УПК РФ заменяет критерий «пригодности» на фактическое «использование», что делает понимание жилища еще более широким, поскольку под фактическое использование для проживания может подпадать достаточно большой спектр мест и приспособлений. Это позволяет

теоретически включить в понятие жилища шалаш, землянку или даже временные укрытия бездомных (коробки, теплотрассы), что создает абсурдную ситуацию необходимости судебного контроля за обыском таких объектов [1, с.189]. По мнению В.Ю. Малаховой помещение является жилым, если оно пригодно не только для постоянного, но и временного проживания [4, с. 80]. Кроме этого, О.В. Фирсов делает акцент на то, что именно наиболее полно защищает данное конституционное право [9, с. 85].

И наконец, жилищный и гражданский кодексы вообще не используют понятие «жилище». Данные нормативные правовые акты используют специальную терминологию более узкого содержания — «жилое помещение». Согласно ст. 15 ЖК РФ, жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан, то есть отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормативам, иным требованиям законодательства [2]. Однако, хотя ст. 3 ЖК РФ и называется «Неприкосновенность жилища», но само понятие не раскрывается. Анализ положений нормативного правового акта показывает, что законодатель отождествляет понятия жилища и жилого помещения в сути принципа неприкосновенности жилища, однако определяет границы его использования только в контексте строений входящих в жилой фонд.

Кроме того, Конституционный суд РФ указывает, что условием отнесения нежилых помещений и строений, не входящих в жилой фонд, к жилищу является факт их использования для временного проживания [5]. Следовательно, суд не исключает гарантии неприкосновенности в отношении хозяйственных построек, находящихся на территории индивидуального домовладения.

В результате чего, следует признать, что правовая неопределенность относительно понятия «жилища» порождает на практике проблемы, поскольку создает возможность выбора более удобного определения должностным лицом, что в конкретных случаях может не в полной мере защищать права граждан. Во

избежание таких ситуаций предлагается закрепить во всех смежных кодексах, как минимум в УК РФ и УПК РФ, одно определение, которое будет затрагивать особенности каждой отрасли права.

Таким образом, по нашему мнению, жилище следует понимать как индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно любое помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания [7]. Представленное определение является наиболее широким, что позволяет достаточно полно охранять конституционное право на неприкосновенность жилища.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в современном российском законодательстве присутствует глубокая терминологическая проблема. Незакреплённость однотипного легального определения понятия «жилище» создает ситуацию коллизии норм права, при которой отраслевые кодексы предлагают взаимоисключающие подходы к защите одного и того же конституционного права.

Библиографический список использованных источников

1. Железняк Н.С. О законодательном регулировании обследования жилища / Н.С. Железняк // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научной конференции (16-17 февраля 2006) : в 2 ч. / Сибирский юридический институт МВД России : отв. Ред. С.Д. Назаров, — Красноярск, 2006. -— Ч.2. — с.189.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 15.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

4. Малахова В.Ю. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности жилища в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Малахова. — М., 2001. — с.80.

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.05.2005 N166-О // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru

6. Приговор Волжского городского суда от 30 декабря 2019 г. по делу № 1-201/2019//URL:https://sudact.ru/regular/doc/h9sUcrZ4qNVj/?ysclid=mucxmwr24v289652675

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Российская газета. – 2002.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — ст.139.

9. Фирсов О.В. Ограничения конституционного права человека на неприкосновенность жилища при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий / О.В. Фирсов // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – N 2(47). — с.85.

УДК 34.06

НОРМАТИВНАЯ ТАВТОЛОГИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПЕРЕВОДЕ ЗЕМЕЛЬ ИЛИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ В ДРУГУЮ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕЁ УСТРАНЕНИЯ

Аникина Екатерина Ростиславовна,
студентка 3 курса
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия,
ekaterina.anikina.22@gmail.com
Научный руководитель:
Румянцев Фёдор Полиектович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры трудового и экологического права
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия,
odo-328@mail.ru

Аннотация: Научная статья посвящена изучению негативного влияния тавтологии в нормативно – правовых актах на осуществление юридической деятельности. В рамках научной статьи была проведена работа по устранению лексических повторов из документа, связанного с переводом земель или земельных участков из одной категории в другую, без потери им смысла.

Ключевые слова: земельное право, земельный участок, земля, нормативно-правовой акт, нормативная тавтология, однокоренные слова, юридическая техника.

NORMATIVE TAUTOLOGY IN THE LEGISLATION ON THE TRANSFER OF LAND OR LAND PARCELS FROM ONE CATEGORY TO ANOTHER AND POSSIBLE WAYS TO ELIMINATE IT

***Anikina Ekaterina Rostislavovna*,**
3rd-year student
N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russia,
ekaterina.anikina.22@gmail.com
Scientific supervisor:
***Rumyantsev Fyodor Poliektovich*,**
Doctor of Legal Sciences,
Professor at the Department of Labor and Environmental Law
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia,
odo-328@mail.ru

Abstract: The scientific article is devoted to studying the negative impact of tautology in regulatory legal acts on the implementation of legal activities. Within the framework of the scientific article, work was carried out to eliminate lexical repetitions from a document related to the transfer of land or land plots from one category to another, without losing its meaning.
Keywords: land law, land plot, land, regulatory legal act, normative tautology, cognate words, legal technique.

В настоящее время существует проблема, связанная с тем, что тексты нормативно – правовых актов (далее – НПА) являются довольно сложными для понимания, а анализ правовых документов и работа с ними занимают большое количество времени. Возникновение данной ситуации обусловлено, в первую

очередь, объёмом самих НПА – для ознакомления с определёнными документами требуется уделение нескольких часов на их прочтение. С такой проблемой сталкиваются не только студенты, но и учёные – юристы, правоприменители. Вероятно, одной из основных причин большого объёма текстов НПА является наличие в них нормативной тавтологии. Многие учёные придерживаются схожей точки зрения. Например, И.П. Кожокарь убеждён в том, что тавтология, безусловно, увеличивает нормативный массив, приводит к неправильному толкованию положений документа, усложняет процесс работы с ним [1, с. 5]. Таким образом, наличие тавтологии в юридических документах оказывает негативное воздействие как на процесс ознакомления с ними, так и на применение их положений на практике.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова тавтология определяется как «повторение того же самого другими словами, не уточняющее смысла» [3, с. 683]. Таким образом, автор акцентирует внимание именно на том, что повтор слов или словосочетаний можно признать необоснованным исключительно в том случае, если он не вносит в текст принципиальное нового, что не следует из первого употребления повторяющегося слова. Кроме того, следует обратиться к «Литературной энциклопедии терминов и понятий». Автор, А.Н. Николюкин, считает тавтологией «повторение близких по смыслу слов» [2, с. 460]. Приведённое толкование является более узким, однако вне зависимости от формулировки определения понятия «тавтология» становится понятно: если текст содержит множество повторов, то читатель, невзирая на наличие у него колоссального опыта работы с юридическими документами, сталкивается с определёнными трудностями при его прочтении и расходует на это временные ресурсы. В этой связи возникает вопрос: «Возможно ли устранить тавтологию из НПА без потери смысла его положений с целью упрощения деятельности студентов, учёных – юристов и правоприменителей по работе с ним?» Цель научной статьи – провести работу по устранению тавтологии из НПА и предложить меры по совершенствованию правовых норм.

Для проведения комплексного анализа текста закона на предмет нормативной тавтологии был выбран Федеральный закон от 21 декабря 2004 года № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (далее - ФЗ № 172) [4, № 172]. Такой выбор был сделан потому, что этот документ является ведущим и базовым для Российской Федерации и его граждан. Он актуален для широкого круга субъектов: физических и юридических лиц, которые планируют использовать участок иным образом, нежели сейчас, государственных органов РФ различных уровней и других категорий субъектов. Стоит провести подробный анализ статей ФЗ № 172 с целью определения наличия возможности существенного уменьшения объёма текста документа в рамках устранения из него необоснованной тавтологии.

Очевидно, что в тексте 1 статьи ФЗ № 172 многократно повторяются однокоренные слова «земель», «земельных». Эта тавтология является нецелесообразной с точки зрения объёма текста НПА. Решением этой проблемы является размещение обобщающего словосочетания в начале статьи для избежания повторов в дальнейшем. Например: «В настоящей статье «объекты перевода» - земли или земельные участки в составе таких земель». Размещение такой ремарки в начале статьи позволит существенно сократить её текст. Кроме того, ознакомление с ним станет более удобным.

В пункте 4 статьи 2 ФЗ № 172 раскрывается один из элементов, необходимых для перевода участка: «Согласие правообладателя земельного участка на перевод земельного участка из состава земель…». Повтор однокоренных слов «земельного» и «земель» в данном случае не обязателен, поскольку читатель понимает: принадлежность согласия конкретному правообладателю является очевидной. Более короткий вариант без потери смысла нормы: «согласие правообладателя на перевод участка…».

Привлекает внимание статья 5 ФЗ № 172, а именно следующая фраза: «Единый государственный реестр недвижимости». Предложения с использованием этой фразы получаются довольно длинными и сложными для

восприятия, хотя этого можно было избежать. Можно было использовать общепринятое сокращение «ЕГРН», указав в начале статьи на эту замену следующим образом: «Единый государственный реестр недвижимости (далее - ЕГРН». Такая замена возможна, и повтор длинной формулировки в дальнейших статьях не является необходимым.

Однако в тексте ФЗ № 172 присутствует множество повторов, которые ни в коем случае нельзя устранять, так как смысл норм кардинально изменится. Например, «земли сельскохозяйственного назначения» и «сельскохозяйственные угодья» (статья 7), «документы территориального планирования» и «документация по планировке территории» (статья 4). В связи с этим важно понимать, что не любой повтор однокоренных слов является необоснованной тавтологией. Этот факт, безусловно, должен быть учтён в дальнейшей работе по данной проблематике.

Проведя анализ вышеприведённых примеров тавтологии в ФЗ № 172, можно сделать определённые выводы. Чтобы сократить текст НПА без потери смысла, нужно использовать такие способы, как:

- устранение повторов однокоренных слов в одном предложении или соседних;
- размещение толкования повторяющегося понятия в начале статьи;
- добавление обобщающего заголовка, касающегося каждого положения статьи

При этом при проведении работы по устранению тавтологии в тексте ФЗ № 172 принципиально важно учитывать специфику земельного права. Такой подход необходим во избежание возникновения такой ситуации, что после внесения соответствующих изменений в текст закона смысл нормы вовсе будет искажён.

С учётом вышеперечисленных способов устранения тавтологии из НПА и особенностей отраслевой специфики рассматриваемого документа была проведена комплексная работа. Повторы однокоренных слов, где это представлялось возможным, были устранены. В те статьи, в которых добавление

обобщающих заголовков и ремарок является целесообразным, были внесены соответствующие изменения. Особое внимание было уделено требованиям к тому, чтобы смысл норм не искажался. Выявленные в ходе работы особенности документа были учтены, требования - соблюдены.

Критерием оценки результативности проведённой работы станет изменение количества страниц в документе. Изначальный объём ФЗ № 172 – 31 лист формата А4. Объём документа после проведённой работы – 20 листов. Соответственно, размер документа стал меньше на 37%. Таким образом, если ранее для вдумчивого прочтения документа при скорости чтения 180 слов в минуту требовалось около 2 часов 10 минут, то в настоящий момент этот промежуток времени сократился на 37% и составляет примерно 44 минуты. Учитывая загруженность деятельности учёных, юристов, студентов, можно утверждать, что подобная экономия почти полутора часов, действительно, облегчит их работу и предоставит время для другой юридической деятельности, что немаловажно. Резюмируя, стоит отметить, что проведённая работа поистине является эффективной и результативной.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что проблема чрезмерного использования тавтологии в НПА, действительно, серьёзна. Поставленная цель работы была достигнута: проведена комплексная работа по устранению нормативной тавтологии из ФЗ №172. Примечательно, что объём документа сократился на 37%. Кроме того, были предложены меры по совершенствованию правовых норм. Стоит указать на то, что из – за необоснованных повторов слов в тексте закона люди затрачивают на их анализ длительное время. Безусловно, законодательным органам РФ следует обратить внимание на сложившуюся ситуацию. Если подобная работа по устранению тавтологии в документах будет проводиться непосредственно перед их публикацией, то такой подход, бесспорно, позволит облегчить юридическую деятельность многих людей.

Библиографический список использованных источников

1. Кожокарь И. П. Лингвистические дефекты нормативно-правового регулирования // Юридическая наука. - 2019. №8. - с. 5

2. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия слов и понятий. М.: Интелвак. - 2003. - 720 с.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. - 1986. - 797 с.

4. Федеральный закон от 21 декабря 2004 года № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (редакция от 29.09.2025), (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2027)

УДК 349.4

ВЕРТИКАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГРАНИЦ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 14.1 ЗК РФ

Матасова Екатерина Дмитриевна,
студент 3-го курса
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия,
katrinmsssd@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности положений, закреплённых статьёй 14.1 Земельного Кодекса РФ. Являясь нормой-дефиницией, она порождает пробелы регулирования по вопросам определения воздушных и подземных границ в зависимости от вида разрешенного использования земельного участка. Предлагаются пути совершенствования законодательства по преодолению неоднозначности с учётом доктрины и актуальных НПА.
Ключевые слова*:* вид разрешенного использования, градостроительные нормы, границы, земельный участок, ИЖС, обременения, право собственности.

THE VERTICAL DIMENSION OF LAND PLOT BOUNDARIES: ISSUES REGARDING THE APPLICATION OF ARTICLE 14.1 OF THE LAND CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Matasova Ekaterina Dmitrievna,
3rd-year student,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN),
Nizhny Novgorod, Russia,
katrinmsssd@gmail.com

Abstract: This article examines the specific provisions of Article 14.1 of the Land Code of the Russian Federation. As a definitional rule, it gives rise to regulatory gaps regarding the determination of vertical (airspace and subsurface) boundaries based on the permitted use of a land plot. The article proposes ways to improve legislation to resolve ambiguities, taking into account legal doctrine and current regulatory legal acts.
Keywords: permitted use, urban planning regulations, boundaries, land plot, individual housing construction, encumbrances, ownership rights.

Принцип «кому принадлежит земля, тому она принадлежит до небес и до недр» сформулирован ещё в XIII веке мыслителем Аккурсием, а его идея исходит ещё от римских юристов. Это ёмкая формула включала в себя несколько аспектов. Так, всё материальное, что находится над поверхностью следует за ней, будь то деревья или постройки, отделить это юридически от земельного участка было невозможно [4, с. 151]; несмотря на объёмную формулировку, она предусматривает наличие сервитутов, как ограничений пользования, отмечалось также, что «от земли до небес» принадлежит ровно столько, сколько было необходимо собственнику для его практической деятельности, например, возведения жилья или посадки растений.

Примерно в том же ключе эти аспекты были приняты Германским гражданским уложением, иными гражданскими кодексами, а в российском современном праве рецепция римских принципов буквально закрепляется в статье 14.1 ЗК РФ, которая с одной стороны закрыла необходимость дефиниции по виду разрешённого использования, а с другой стороны подготовила цивилистам почву для научных споров.

Само определение «Вида разрешённого использования» как вида деятельности, которую с учетом ограничений, установленных в соответствии с земельным кодексом и иными актами, допускается осуществлять на земельном участке, а также над его поверхностью, если иные ограничения не предусмотрены [8] уже является широко обсуждаемым в науке, так как

дефиниция дана через саму себя, «вид – это вид». Но для правоприменителя аспект не создаёт проблем, поэтому обратить своё внимание следует на иное. Наиболее интересной для рассмотрения будет являться возможность осуществления деятельности на участке, то есть на поверхности, а также над и под его поверхностью участка.

Многие учёные придерживаются позиции, что верхняя граница воздушного пространства РФ заканчивается на высоте 100-110 км [6, с. 368], соответственно, на это пространство распространяется ее суверенитет. Можно ли предположить, что право собственника использовать земельный участок над поверхностью ограничено расстоянием на 100-110 км в высоту? Исходя из 14.1 ЗК РФ суждение будет верным. Но помимо ВРИ земельного участка в регулировании данного вопроса включаются градостроительные регламенты, акты, регулирующие охранные зоны, вводимые государством ограничения [3, с. 6]. Поэтому предлагается привязать возможность использования земельного участка в высоту настолько, насколько в высоту разрешено возводить объекты капитального строительства (если разрешено) и к этой высоте суммировать фиксированное количество метров, например, 100 метров. Таким образом решаются проблемы неопределённости верхней границы. Воздушное пространство используется для авиации, запуска БПЛА, когда они осуществляют определённые функции (например, контроль за дорожным движением, в условиях населённого пункта он однозначно может затронуть пространство над частной территорией, чтобы пролететь дальше). Если брать границу 100 км, а не 100 м, то можно сделать вывод о нарушении прав собственника или законного владельца земельного участка даже при пролёте гражданской авиации. Метры над участком не обязательно отсчитывать непосредственно от постройки, допустимо просто для разных ВРИ [5, с. 30] или регионов закрепить, какой высотой воздушного пространства лица могут пользоваться.

Градостроительные регламенты закрепляют высоту возможной застройки над поверхностью, но предложение о том, что именно по ней следует сделать

ограничения нежизнеспособно, так как, например, при ИЖС на земельном участке могут расти деревья, которые со временем превысят высоту здания. Не стоит забывать и про административные режимы, их действия ограничивают полномочия собственника в определённый период времени, но по окончании их действия владелец снова получит право осуществления определённой деятельности. На территории некоторых субъектов или в определённых районах лицам может быть запрещён запуск гражданских дронов [2, с. 1], которые ранее использовались для фотографирования объектов или спортивных соревнований, в силу их свойств высота их полета может превышать высоту объекта строительства, поэтому, при принятии позиции о закреплении за собственником или пользователем земельного участка воздушного пространства на высоту его ОКС законодатель обречёт лицо на повышение риска нарушения норм. Вид разрешённого использования закрепляет возможность осуществления деятельности, а вот параметры, высоту вверх или вниз от него, остаются неурегулированными.

Порядок использования земельного участка в соответствии с ВРИ под землёй более разработан, но в практике возникают случаи, нарушающие права сторон. По общему правилу законом «О недрах» капитальное строительство без лицензии разрешено на уровне до 5 м в землю [7]. Лица могут использовать её для собственных нужд постройки, добычи подземных вод с ограничением до 100 кубометров в сутки и так далее. Из положений ГК РФ следует, что собственник имеет право использовать всё, что находится под поверхностью, если иное не предусмотрено Законом «О недрах», до момента, пока не затрагивается часть земной коры ниже почвенного слоя, собственник имеет возможность разрабатывать пространство под земельным участком. Так как есть лицензированные виды использования, градостроительные ограничения, то признать 5 м общепринятой границей нельзя. Но в отличие от воздушной границы, специальные регламенты позволяют определить правомочия субъектов на конкретном участке, на определённую глубину. Основная проблема

заключается в наличии ограничений, которые предугадать или определить без специальных процедур невозможно, и они уже создали судебную практику. Речь идёт об обременениях, не указанных в Росреестре, и отсутствующих на кадастровых картах – подземные коммуникации, которые либо не поставлены на кадастровый учёт, либо засекречены, а потому в открытом доступе быть не могут. В 2013 году собственник земельного участка, приобретённого им в дар в 2010 году, получил предписание от сотрудника Ростелекома о том, что ему запрещено производить какие-либо земляные и мелиоративные работы без предупреждения предприятия связи. Собственник лишился правомочия на ИЖС и иное использование. Один из кабелей Ростелеком не внес в кадастровый реестр, а второй принадлежит Министерству обороны РФ, проложен в 1969 году, но в силу стратегического значения в открытые ресурсы не внесён. Суд постановил, что Ростелеком обязан кабель перенести, а Министерству обороны необходимо демонтировать свой канал связи, так как по прямому назначению в настоящее время не используется [1]. Данная практика говорит о необходимости регистрации различных обременений и изыскании способа предупреждения нарушения прав собственника даже с учётом секретности коммуникаций, закладываемых под землей. Предлагается предоставить в открытый доступ сведения об обременениях, которые находятся на такой глубине, на которой возможна реализация правомочий субъекта. То есть, приобретая право собственности или пользования на земельный участок лицо должно иметь доступ ко всем сведениям об обременениях. Может не быть указан характер обременения, но сам факт его наличия субъекту должен быть предоставлен до приобретения права, так как в ином случае его не соблюдаются принципы гражданского права, особенно если затрагиваются частные или юридические лица, для которых эти участки могут быть необходимыми как место ведения хозяйства или предпринимательской деятельности, то есть наличие скрытых обременений повлечёт финансовые траты по вине третьих лиц.

Таким образом, в статье были рассмотрены проблемы регулирования границ правомочий собственников и пользователей земельных участков над и под земной поверхностью, предложены варианты разрешения пробелов.

Библиографический список использованных источников

1. АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СК по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 22 мая 2015 г. по делу N 33-3145/2015 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
2. Винокурова В. В., Вытовтов А. В., Шумилин В. В. Административно правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. №1. – С. 1-6.
3. Гаврилюк Мария Никитична КАТЕГОРИИ ЗЕМЕЛЬ: БАРЬЕР В РАЗВИТИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА // Аграрное и земельное право. 2019. №5 (173). – С. 4-6.
4. Манько Е. А. Правовое регулирование суперфиция: история и современность // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №2. – С. 151-155.
5. Никишин В. В., Чередников А. В. О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. №2. – С. 28-32.
6. Яланская А. Ю., Сафронов В. В. Правовой режим космического пространства // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. №8. – С. 368-369.
7. Закон РФ "О недрах" от 21.02.1992 N 2395-1[Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
8. "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

УДК 347.61/.64

ПОНЯТИЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ УНИФИКАЦИИ

Филиппова Екатерина Антоновна,
магистрант 2 курса
Частного образовательного учреждения высшего образования
«Сибирский юридический университет»,
г. Омск, Россия,
ekaterinafilippova2003@yandex.ru

Аннотация: В статье изучается проблема отсутствия легального определения и единства доктринальных подходов к понятию семейно-правовой ответственности. Автор полагает, что данное обстоятельство негативно сказывается на регулировании семейных отношений и качестве правоприменения. Автор проводит анализ различных подходов ученых к определению семейно-правовой ответственности и в соответствии с проведенным исследованием формирует вывод.

Ключевые слова: перспективная ответственность, правоотношение, ретроспективная ответственность, санкция, семейно-правовая ответственность, семейное право, семейное правонарушение, юридическая обязанность, юридическая ответственность.

THE CONCEPT OF FAMILY LAW LIABILITY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SCIENTIFIC APPROACHES AND PROSPECTS FOR UNIFICATION

Filippova Ekaterina Antonovna,
second year master student
Private Educational Institution of Higher Education «Siberian Law University»,
the city of Omsk, Russia,
ekaterinafilippova2003@yandex.ru

Annotation: The article examines the problem of the lack of a legal definition and the absence of a unified doctrinal approach to the concept of family law liability. The author believes this circumstance has a negative impact on the regulation of family relations and the quality of law enforcement. The author analyzes various scholars' approaches to defining family law liability and draws a conclusion based on the research conducted.

Keywords: prospective liability, legal relationship, retrospective liability, sanction, family law liability, family law, family offence, legal duty, legal liability.

Проблема установления правовой природы, сущности и отличительных признаков семейно-правовой ответственности по-прежнему является одной из актуальных в современной юридической науке. Законодательство не дает общего понятия семейно-правовой ответственности. При этом наличие конкурирующих научных концепций осложняет формирование легального определения. Вследствие этого дискуссионными остаются не только вопросы установления понятия семейно-правовой ответственности, но и проблемы выявления ее оснований, условий применения, взаимосвязи с другими видами юридической ответственности. Это в целом негативно отражается на правовом регулировании семейных отношений, снижает качество правоприменения, препятствует последовательному развитию семейного законодательства.

При исследовании юридической литературы, посвященной толкованию семейно-правовой ответственности, можно встретить разнообразные точки зрения. В частности, одни авторы рассматривают семейно-правовую

ответственность как особые меры принуждения. Другие характеризуют ее в качестве правоотношения, возникающего вследствие нарушения семейно-правовых норм. Есть и те, кто придерживается более широкого подхода, связывая ответственность не только с наступлением неблагоприятных последствий для правонарушителя, но и в общем с отношением лица к своим семейным обязанностям.

О. С. Земцова обращает внимание, что «на формирование семейно-правовой ответственности большое влияние оказала и оказывает общая теория юридической ответственности» [5, с. 37]. Анализ доктрины показывает, существующие воззрения в значительной степени опираются на основные идеи о юридической ответственности, переработанные с учетом особенностей семейного права. Рассмотрим наиболее известные из них.

Отдельные авторы трактуют семейно-правовую ответственность в качестве совокупности мер принуждения, в результате чего она фактически приравнивается к санкции. К примеру, такого мнения придерживается Ю. Ф. Беспалов [3, с. 46].

Однако отождествление понятий «ответственность» и «санкция» нельзя считать правильным, поскольку последняя является мерой ответственности. Санкция устанавливает возможные отрицательные последствия правонарушения, определяя их содержание и пределы, юридическая ответственность же есть применение этих последствий в отношении правонарушителя. Различие между указанными явлениями уже отмечалось в научной литературе [7, с. 474].

М. В. Антокольская характеризует семейно-правовую ответственность через «обязанность лица претерпевать лишения права и иные дополнительные неблагоприятные последствия своего виновного противоправного поведения» [1, с. 99], однако отрицает ее самостоятельность.

Между тем ошибочно определение семейно-правовой ответственности в качестве юридической обязанности. Ответственность и обязанность связаны

между собой, но все же отличаются друг от друга. Нельзя назвать ответственностью исполнение обязанности. Ответственность, в частности семейно-правовая, возникает не сама по себе, а является следствием совершения субъектом семейного правонарушения и выражается в возложении на него дополнительных неблагоприятных последствий. В отличие от юридической обязанности, которая существует независимо от нарушения права и направлена на надлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей в рамках семейного правоотношения, ответственность имеет ответный характер и наступает в связи с противоправным поведением лица.

В этой связи наиболее обоснованной представляется позиция О. С. Земцовой, отражающей ключевые признаки семейно-правовой ответственности. С точки зрения автора, семейно-правовая ответственность есть «правоотношение, возникающее из нарушения семейной обязанности, установленной СК РФ или договором, выражающимся в форме неблагоприятных для правонарушителя последствий в виде лишения или ограничения личных неимущественных или имущественных прав, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения» [5, с. 48].

Рассматриваемая концепция не ограничивает содержание семейно-правовой ответственности совокупностью мер принуждения или обязанностью правонарушителя претерпевать отрицательные последствия своего неправомерного поведения. Напротив, она указывает на возникновение особой правовой связи между участниками семейных отношений, обусловленной неисполнением семейной обязанности. Содержание такого правоотношения определяется взаимными правами и обязанностями его субъектов. На стороне правонарушителя возникает обязанность претерпеть предусмотренные законом последствия, потерпевший же имеет право требовать применения санкций и восстановления своих нарушенных прав. Государство в лице суда, органов опеки или иного компетентного органа обеспечивает реализацию негативных

последствий в виде мер государственного принуждения (например, лишение родительских прав, отмена усыновления, признание брака недействительным и т.д.).

В то же время точка зрения О. С. Земцовой подвергается критике за ограниченность, поскольку ориентирована только на ретроспективный аспект семейно-правовой ответственности, где «за основу берется лишь «наказательная» функция ответственности» [6, с. 16].

В сущности, общей чертой большинства научных подходов, включая представленные выше, является трактовка семейно-правовой ответственности исключительно в ретроспективном ключе. Н. Ф. Звенигородская говорит об этом, как о рассмотрении семейно-правовой ответственности «в ее собственном смысле», то есть в качестве негативных последствий за совершенное правонарушение [4, с. 49].

Однако в научной литературе давно изучается и другая сторона юридической ответственности – позитивная (перспективная, активная). Представители этого взгляда настаивают на расширительном толковании юридической ответственности, включающим в себя как ретроспективный, так и позитивный аспекты. Они предлагают рассматривать ее не только как реакцию на уже совершенное правонарушение, но и как механизм, стимулирующий надлежащее исполнение обязанностей.

Данный вопрос в доктрине вызывает широкую дискуссию главным образом в связи с тем, что содержание самого понятия «позитивная ответственность» единым образом не определено. Например, С. Н. Тагаева указывает на нее как на «ответственное отношение человека к своим обязанностям» [9, с. 10]. Н. С. Малеин понимает под ней «определенное внутреннее состояние индивида, его отношение к порученному делу, обществу, государству, коллективу, к своему поведению...» [8, с. 130]. Б. Т. Базылев говорит, что это «предусмотренная правовыми нормами социальная связь личности и общества...» [2, с. 46].

Н. С. Малеин в связи с этим обращает внимание на проблему неоправданного смешения отличающихся друг от друга правовых категорий, когда «одно и то же явление одновременно именуется и обязанностью, и ответственностью» и когда «ответственностью называется и сама обязанность, и последствие ее неисполнения» [8, с. 131].

Спорным является также вопрос о возможности принудительной реализации активной ответственности по аналогии с негативной. Исходя из собственного толкования позитивной ответственности, С. Н. Тагаева выводит ее за пределы сферы действия права и относит к области регулирования социальных норм [9, с. 13]. Именно поэтому автор полагает, что «перспективная и ретроспективная ответственность соотносятся как моральная (нравственная) ответственность и правовая ответственность» [9, с. 12].

Вместе с тем для формирования целостного представления о юридической ответственности, включая семейно-правовую ответственность, необоснованно ее изучение исключительно в негативном плане. Необходимо также обратить внимание и на мнение сторонников позитивной ответственности. Например, интересна позиция С. О. Карибян по вопросу возможности принуждения к исполнению перспективной ответственности. Если выделить главное, то при совершении юридически значимых действий социальные отношения между членами семьи становятся правовыми, а значит нормы морали превращаются в нормы права, и при их нарушении появляется возможность применения мер государственного принуждения [6, с. 17].

Безусловно, семейно-правовая ответственность наполнена нормами морали и нравственности, в чем и заключается одна из ее особенностей как института семейного права. Например, при регулировании отношений между родителями и детьми существенное значение имеют любовь, уважение, забота. Вместе с тем правовые средства не позволяют привлечь лицо к ответственности за неисполнение обязанностей, имеющих исключительно морально-нравственное содержание. Но их нарушение может оказывать влияние на оценку

поведения участников семейных отношений в рамках урегулирования конфликта. Разрешая семейные споры, суды учитывают не только формальное содержание правовых норм, но и закрепленные в семейном законодательстве принципы, основанные на категориях морали и нравственности.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы свидетельствует о том, что, несмотря на наличие многочисленных и всесторонних исследований семейно-правовой ответственности, ученые до сих пор не выработали единого и законодательно пригодного определения семейно-правовой ответственности. Ни одна из существующих в доктрине формулировок не раскрывает в полном объеме сущность этого понятия, которая оказалась бы приемлемой с точки зрения правоведов.

Наиболее перспективным представляется рассмотрение семейно-правовой ответственности в качестве особого правоотношения, охватывающего как ретроспективный, так и позитивный аспекты. Это связано с тем, что семейное право в силу своей специфики действительно оперирует категориями морали и нравственности, которые оказывают существенное влияние на правоприменительную практику.

Библиографический список использованных источников

1. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 336 с.

2. Базылев Б.Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 40-46. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=uccoer

3. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. – 2014. – № 2(206). – С. 45-52. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21426637

4. Звенигородская Н.Ф. Санкции за неисполнение семейно-правовых договоров // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 4(26). – С. 49-55. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17686779

5. Земцова О.С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах / О.С. Земцова; под научной редакцией И.А. Михайловой. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Концепция», 2013. – 144 с. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=sbtnhv&ysclid=mtim44gjqk503954947

6. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение / С.О. Карибян. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2018. – 192 с. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35371301

7. Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник для вузов / С.А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 528 с. – (Высшее образование). – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/598738

8. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин. – М.: Юрид. лит., 1985. – 192 с.

9. Тагаева С.Н. Правовая сущность семейно-правовой ответственности (по материалам Республики Таджикистан) / С.Н. Тагаева. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 226 с. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34916741

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СУБЪЕКТАМИ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Владимиров Данил Владиславович
студент 3 курса магистратуры
ФГБОУ ВО ДГУЮ,
г. Донецк, ДНР, Россия,
danil.vladimirov.2024@list.ru
Научный руководитель:
Савченко Александр Александрович
доцент, к.ю.н.
ФГБОУ ВО ДГУЮ,
г. Донецк, ДНР, Россия,
12syzyki12@gmail.com

Аннотация: статья посвящена уголовно-правовому анализу преступлений, субъектами которых выступают индивидуальные предприниматели. На основе авторской трехуровневой классификации исследуются пять составов УК РФ. Выявлены системные проблемы квалификации и предложена редакция примечания 5 к статье 159 УК РФ, разграничивающая мошенничество и гражданско-правовой деликт.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, незаконное предпринимательство, преступления в сфере экономики, специальный субъект преступления, уголовная ответственность, уклонение от уплаты налогов.

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES WHERE THE SUBJECT MATTERS ARE INDIVIDUAL ENTREPRENEURS

Vladimirov Danil Vladislavovich
third year master's student
FGBOU VO DSUJ,
the city of Donetsk, DPR, Russia,
danil.vladimirov.2024@list.ru
Scientific supervisor:
Savchenko Alexander Alexandrovich
Docent, Candidate of Law
FGBOU VO DSUJ,
the city of Donetsk, DPR, Russia,
12syzyki12@gmail.com

Abstract: The article is devoted to a criminal law analysis of crimes whose subjects are individual entrepreneurs. Based on the author's three-level classification, five elements of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation are examined. Systemic problems in the classification are identified, and a revised version of Note 5 to Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed, which distinguishes between fraud and a civil law tort.

Keywords: individual entrepreneur, fraud in the sphere of business activities, illegal entrepreneurship, crimes in the economic sphere, special subject of crime, criminal liability, tax evasion.

В современной России индивидуальное предпринимательство является одним из ключевых источников экономического роста. По данным Федеральной налоговой службы, на конец 2023 года в стране было зарегистрировано около 4,3 млн индивидуальных предпринимателей, а в 2026 году ожидается преодоление

отметки в 5 млн. На фоне количественного роста обостряется проблема криминализации данной сферы: ежегодно регистрируется свыше 110 тыс. преступлений экономической направленности. Актуальность темы усиливается в условиях санкционного давления, что породило новые криминальные риски — мошенничество при получении государственных субсидий, незаконные схемы обхода санкций, фиктивное предпринимательство для вывода капитала. Отдельную значимость проблема приобретает для Донецкой Народной Республики, где процесс интеграции новых субъектов в правовое поле Российской Федерации сопряжен с масштабной трансформацией хозяйственной деятельности и потребностью в адекватном уголовно-правовом обеспечении.

Обращение к историко-правовому контексту позволяет лучше понять специфику современного регулирования. Первые очертания торгового оборота обнаруживаются уже в Русской правде, закреплявшей положения о торговых сделках и ответственности за невозврат долга. Однако ни Русская правда, ни акты Московского государства не оперировали понятием «предприниматель»: лица, ведущие торговлю, обозначались как купцы, «торговые люди», «посадские люди». Манифест Екатерины II 1775 года «О свободе предпринимательства» ввел свободу заведения промышленных предприятий для всех сословий, но понятие «индивидуальный предприниматель» в дореволюционном законодательстве так и не закрепилось. После 1917 года частное предпринимательство было ликвидировано; период НЭП ознаменовался лишь кратковременным возрождением частной торговли, причем участники не приобретали формально закрепленного статуса. Лишь Гражданский кодекс РФ впервые закрепил понятие «индивидуальный предприниматель», связав его возникновение с моментом государственной регистрации [2]. Таким образом, путь от полного запрета к легализации занял несколько столетий, и современная правовая конструкция статуса — результат длительной эволюции, которую необходимо учитывать при уголовно-правовой оценке.

Для понимания места индивидуального предпринимателя в системе субъектов преступления следует обратиться к понятию специального субъекта. В уголовно-правовой доктрине специальным субъектом называют лицо, обладающее наряду с общими признаками особыми дополнительными признаками, обязательными для конкретного состава. Применительно к предпринимателю ключевыми признаками выступают: государственная регистрация; самостоятельность и деятельность на свой риск; направленность на систематическое извлечение прибыли; причинная связь между статусом и совершённым преступлением. При этом статус сам по себе не является достаточным основанием для квалификации — необходимо установление связи статуса с деянием. Лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, может совершить преступление, не связанное с его деятельностью, и тогда статус не имеет квалифицирующего значения. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, субъектом преступления по ст. 171 УК РФ может быть как зарегистрированный предприниматель, так и лицо, осуществляющее деятельность без регистрации, — для квалификации значение имеет фактическое содержание деятельности [6]. Следовательно, под индивидуальным предпринимателем как специальным субъектом преступления следует понимать физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, зарегистрированное (либо фактически осуществляющее деятельность без регистрации), совершившее преступление, непосредственно связанное с его предпринимательской деятельностью, при условии, что данный статус является обязательным или квалифицирующим признаком состава.

В доктрине отсутствует единая концепция классификации преступлений, совершаемых индивидуальными предпринимателями. Так, Н.А. Лопашенко систематизировала преступления главы 22 УК РФ по непосредственному объекту [4]. На основе обобщения доктринальных подходов предлагается авторская классификация по трем критериям. По степени связи с предпринимательским статусом: преступления, требующие наличия статуса (ст.

171, 173.1, 173.2, 198 УК РФ); преступления, где статус факультативен (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ); преступления, совершаемые в связи с деятельностью, но не требующие статуса как обязательного признака (ст. 145.1, 238 УК РФ). По объекту посягательства: порядок предпринимательской деятельности, собственность и интересы кредиторов, налоговые отношения, права потребителей и работников. По характеру деятельности: легальная с нарушениями, нелегальная, использование статуса как средства преступления. Для анализа отобраны пять составов, репрезентативно отражающих каждый уровень: ст. 171, ч. 5–7 ст. 159, ст. 198, ст. 238 и ст. 145.1 УК РФ [8].

Родовым объектом исследуемых преступлений, за исключением ст. 145.1 УК РФ, выступают отношения в сфере экономики; ст. 145.1 УК РФ охраняет конституционные права и свободы. Объективная сторона незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) — активные действия: ведение деятельности без регистрации или без лицензии; состав материальный, окончен с момента причинения крупного ущерба (свыше 3,5 млн руб.). Уклонение от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ) выражается во включении заведомо ложных сведений в декларацию или непредставлении декларации [5]. Мошенничество по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ — хищение путем обмана или злоупотребления доверием, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств. Деяние по ст. 238 УК РФ — производство, хранение, перевозка в целях сбыта либо сбыт опасной продукции. Невыплата заработной платы (ст. 145.1 УК РФ) — бездействие при наличии реальной финансовой возможности. Анализ показывает, что четыре из пяти составов являются материальными, что требует доказывания причинно-следственной связи — это создает повышенную нагрузку на правоприменителя, но одновременно служит гарантией от необоснованного уголовного преследования.

Субъект всех пяти составов — физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет. Специальным субъектом по ст. 198 УК РФ является налогоплательщик, в том числе зарегистрированный индивидуальный

предприниматель [5]; по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ — индивидуальный предприниматель или член органа управления коммерческой организацией; по ст. 145.1 УК РФ — работодатель-физическое лицо или руководитель организации. Субъективная сторона всех составов характеризуется умышленной формой вины. По ст. 198 УК РФ умысел может быть только прямым — конструирование схем обхода налогового законодательства не может быть неосторожным деянием [1]. По ст. 171 и ст. 238 УК РФ умысел может быть прямым или косвенным; по ч. 5–7 ст. 159 и ст. 145.1 УК РФ — только прямым. Мотив значим для ст. 145.1 УК РФ — корыстная или иная личная заинтересованность; цель сбыта обязательна для ст. 238 УК РФ; цель хищения — для ч. 5–7 ст. 159 УК РФ. Таким образом, субъективная сторона требует установления прямого умысла в большинстве случаев, а мотив и цель выполняют конструктивную роль, отграничивая преступное деяние от непреступного.

Квалифицированные составы отличаются от основных появлением в ст. 238 УК РФ дополнительного объекта — здоровья и жизни человека и неосторожной формы вины к тяжким последствиям; повышением стоимостного порога ущерба в ч. 6–7 ст. 159 и ст. 171 УК РФ; признаком организованной группы. При этом, как справедливо отмечает Е.О. Кораблина, ч. 5–7 ст. 159 УК РФ предусматривает более мягкое наказание при более крупных суммах в сравнении с ч. 3–4 ст. 159 УК РФ [3], что создает парадоксальную ситуацию, когда преступление с большим ущербом наказывается менее строго. Отграничение от административных правонарушений строится на критериях размера ущерба, момента формирования умысла, реальной опасности продукции и личной заинтересованности. Таким образом, квалификация исследуемых составов требует многоуровневого анализа, учитывающего как объективные, так и субъективные критерии.

Наиболее сложным аспектом правоприменения является отграничение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ) от гражданско-правового деликта. Ключевой критерий — наличие умысла

на безвозмездное изъятие имущества в момент возникновения обязательства. Если умысел возник до заключения договора — налицо мошенничество, если неисполнение вызвано последующими обстоятельствами — гражданско-правовой спор. Однако ни диспозиция ч. 5 ст. 159 УК РФ, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не содержат исчерпывающего перечня обстоятельств, позволяющих установить момент возникновения умысла [7]. На практике обычная коммерческая неудача — срыв поставки из-за разрыва логистических цепочек или неисполнения встречных обязательств — нередко получает уголовно-правовую оценку, что подрывает доверие предпринимателей к правосудию.

Анализ судебной практики 2022–2026 годов выявил ряд системных проблем квалификации. Первая — неопределенность критериев дробления бизнеса при квалификации ст. 198 УК РФ: закон не раскрывает, когда искусственное разделение деятельности переходит из законной оптимизации в преступление, а при дроблении налоговые декларации не фальсифицируются [1]. Вторая — отсутствие в ч. 5–7 ст. 159 УК РФ формализованного перечня обстоятельств, подтверждающих умысел: как отмечает Е.О. Кораблина, отсутствие указания на «ненадлежащее исполнение обязательств» ведет к ошибочной квалификации [3]. Третья — неурегулированность последствий частичной декриминализации ст. 171 УК РФ: незаконное предпринимательство не может выступать основным преступлением для легализации по ст. 174, 174.1 УК РФ. Четвертая — отсутствие в ст. 238 УК РФ требования доказывать осознание именно опасности продукции, а не формального несоответствия регламентам. Пятая — неясность исчисления сроков невыплаты при частичном погашении задолженности по ст. 145.1 УК РФ. Обобщение показывает, что проблемы носят системный характер и связаны прежде всего с отсутствием формализованных критериев отграничения преступного деяния от непреступного.

Для решения наиболее острой проблемы предлагается дополнить ст. 159 УК РФ примечанием 5: «Деяние, предусмотренное частями пятой — седьмой

настоящей статьи, признается преступлением лишь при условии, что умысел лица, направленный на хищение чужого имущества, возник до момента возникновения договорного обязательства. Не образует состава преступления неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства, вызванное документально подтвержденными обстоятельствами непреодолимой силы, существенным изменением рыночной конъюнктуры, которое стороны не могли разумно предвидеть при заключении договора, либо неисполнением встречных обязательств со стороны контрагента, если у лица сохранялось намерение исполнить принятое обязательство». Перечень корреспондирует с нормами гражданского законодательства о непреодолимой силе [2] и усиливает гарантии защиты добросовестных предпринимателей. Прогнозируемый эффект — снижение нагрузки на судебно-следственные органы и сокращение необоснованных приговоров.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд обоснованных выводов. Историко-правовой анализ показал, что категория «индивидуальный предприниматель» впервые закреплена в Гражданском кодексе РФ [2], а современная правовая конструкция — результат длительной эволюции от запрета к легализации. Предложено определение индивидуального предпринимателя как специального субъекта преступления, ключевыми признаками которого выступают государственная регистрация, самостоятельность, направленность на систематическое извлечение прибыли и причинная связь между статусом и преступлением. Авторская трехуровневая классификация по степени связи с предпринимательским статусом, объекту посягательства и характеру деятельности позволяет системно подойти к анализу составов. Уголовно-правовой анализ пяти составов показал, что родовым объектом является нормальное функционирование экономики, а по ст. 145.1 УК РФ — конституционные права; большинство составов требуют прямого умысла, а отграничение от административных правонарушений строится на критериях размера ущерба, момента формирования умысла, реальной опасности и личной

заинтересованности. Анализ судебной практики выявил системные проблемы: неопределённость критериев дробления бизнеса, отсутствие формализованного перечня обстоятельств, подтверждающих умысел, неурегулированность последствий декриминализации ст. 171 УК РФ, отсутствие требования доказывать осознание опасности продукции, неясность исчисления сроков невыплаты. Для решения наиболее острой проблемы предложено дополнить ст. 159 УК РФ примечанием 5, устанавливающим, что умысел должен возникнуть до момента возникновения обязательства и что не образует состава неисполнение, вызванное непреодолимой силой, изменением конъюнктуры или неисполнением встречных обязательств контрагента. Дальнейшие исследования целесообразно направить на эмпирическую проверку эффективности предложенной нормы и разработку аналогичных формализующих критериев для остальных исследованных составов.

Библиографический список использованных источников

1. Гааг И. А., Жигалин Г. А. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики налоговых преступлений // Право и государство. — 2025. — № 8. — С. 532–535.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.09.2026).

3. Кораблина Е. О. Понятие и виды преступлений в сфере экономической деятельности / А. С. Красильникова // Молодой ученый. – 2022. – № 46 (441). – С. 273–276.

4. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону / Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 17.04.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 22.09.2026).

6. Постановление Пленума ВС РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/ (дата обращения: 22.09.2026).

7. Постановление Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 22.09.2026).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.09.2026).

УДК 343

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ВЫСЕЛЕНИЕ ГРАЖДАН ИЗ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Грешкова Эвелина Эдуардовна,
Студент 4 курса
Университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
Evelina.02@yandex.ru

Аннотация: Право на жилище относится к основным конституционным правам человека и включает гарантию недопустимости произвольного лишения жилища. Однако в последние годы в судебной практике были распространены случаи, когда граждане остаются без жилья в результате действий, не соответствующих закону. Незаконное выселение нарушает это право, а также часто сопровождается угрозами применения насилия. Поэтому можно утверждать, что в существующем законодательстве возник пробел, порождающий трудности при квалификации таких деяний.

Ключевые слова: незаконное выселение, неприкосновенность жилища, право на жилище, уголовная ответственность.

CRIMINAL LIABILITY FOR THE UNLAWFUL EVICTION OF CITIZENS FROM RESIDENTIAL PREMISES

Greshkova Evelina Eduardovna,
Fourth-year student
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia,

Evelina.02@yandex.ru

Abstract: The right to housing is one of the fundamental constitutional rights of a person and includes a guarantee against the arbitrary deprivation of housing. However, in recent years, cases have become common in judicial practice in which citizens are left without housing as a result of actions that do not comply with the law. Unlawful eviction violates this right and is often accompanied by threats of violence. Therefore, it can be argued that a gap has emerged in the existing legislation, creating difficulties in classifying such acts.

Keywords: illegal eviction, inviolability of the home, right to housing, criminal liability.

Конституция Российской Федерации в ст. 40 каждому гарантирует право на жилище [3]. В современной реальности же, из-за социально-экономических проблем, включая повышение стоимости на недвижимость, а также конфликтов в жилищной сфере это право часто нарушается. Одной из наиболее опасных форм таких нарушений является незаконное выселение граждан из жилых помещений. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о надлежащей уголовно-правовой охране права на жилище и проблемах квалификации незаконного выселения. Особенно когда в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) отсутствует определенная статья, которая предусматривала бы ответственность за незаконное выселение граждан из жилища.

Легальное понятие «незаконное выселения» в законе отсутствует. Однако исходя из конституционного принципа о недопустимости произвольного лишения жилища, согласно которому никто не может быть выселен из жилого помещения иначе как по основанию и в порядке, которые предусмотрены законом. Таким образом, незаконным выселением считается принудительное освобождение жилого помещения от проживающих в нем лиц, без законных оснований, а также с нарушением установленного закона порядка. В доктрине

подчеркивается, что категория «незаконное выселение» не тождественна понятию «произвольное лишение жилища». Произвольность можно трактовать шире, поскольку она охватывает не только отсутствие законного основания, но и несоблюдение установленных гарантий, а также когда применяемая мера не соответствует характеру нарушения.

Ключевым вопросом при уголовно-правовой оценке незаконного выселения из жилища является установление объекта преступного посягательства. Он определяется исходя из совокупности нескольких конституционных и уголовных правовых норм. Родовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность, свободу и достоинство личности, так как статья 139 УК РФ о неприкосновенности жилища помещена в раздел VII «Преступления против личности». Видовым объектом — конституционные права и свободы человека и гражданина, поскольку смежная статья, касающаяся того же гарантируемого принципа - ст. 139 УК РФ - находится в главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» [6]. Следственно непосредственном (основным) объектом будет являться — право на жилище, то есть право лица проживать в жилом помещении без принудительного лишения этого права без установленной законом процедуры.

Так как УК РФ не содержит самостоятельной нормы, которая устанавливала бы ответственность за незаконное выселение граждан из жилища, за такое преступное деяние привлекают в основном по статье 330 УК РФ, как самоуправство, по статье 286 УК РФ за превышение должностных полномочий и др. Однако при применении данных статей возникают определенные трудности.

Рассмотрим на примере статьи 330 УК РФ самоуправство. Во-первых, объективная сторона самоуправства по ч. 1 ст. 330 УК РФ имеет материальный состав, обязательным признаком является причинения существенного вреда. В законе не дается конкретное понятие «существенного вреда», однако на практике

под ним понимается вред, выраженный в денежном эквиваленте, нарушении конституционных прав, моральном вреде, физических страданиях. Так, в приговоре мирового судьи Великолукского района Псковской области существенный вред был определён через «нарушение права частной собственности, закреплённого ст. 35 Конституции РФ, и причинение значительного материального ущерба в силу малообеспеченности потерпевшей» [5]. В другом деле суд указал, что существенный вред выразился «в нарушении прав, закреплённых Конституцией РФ, а именно прав на достоинство личности, свободу личности и личную неприкосновенность» [4].

Однако судебная практика не всегда определяет лишение жилища как «существенный вред» в денежном эквиваленте, а иных критериев закон не предлагает. Наглядным примером является Кассационное определение Верховного Суда РФ, в котором суд указал, что обязательным условием уголовной ответственности по ст. 330 УК РФ является не только сам факт самовольного действия, но и наступление существенного вреда, а также наличие причинно-следственной связи [2].

Во-вторых, в ч. 1 ст. 330 УК РФ указано, что оспариваться должна правомерность действий организации или гражданина. В доктрине имеются споры. Некоторые считают, что этот признак сформулирован не очень удачно, так как следовало бы говорить об оспаривании самого право виновного, а не правомерности его действий, ведь сущность самоуправства заключается именно в споре о праве [4].

При выселении граждан из жилого помещения, нужно доказывать такие же факты, как при разрешении дел, посягающих на неприкосновенность жилища. Такими фактами являются, например, использование помещения в качестве жилища в момент совершения преступления; проникновение в жилище постороннего лица; отсутствие разрешения на проникновение от лица, проживающего в нём; отсутствие законных оснований для проникновения при отсутствии согласия [1].

Таким образом, было выявлено, что действующее законодательство Российской Федерации не в полной мере обеспечивает государственные гарантии конституционных прав граждан на жилище. Поэтому в целях совершенствования правовой системы следует дополнить Уголовный кодекс специальной нормой, которая предусматривала бы ответственность за незаконное выселение граждан из жилых помещений, в зависимости от тяжести и характера преступления.

Библиографический список использованных источников

1. Баринов С. В. Особенности доказывания по делам о преступных нарушениях неприкосновенности жилища // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 4. С. 5–15.

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № 3-УД25-5-К3. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2498328

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — №11. — Ст. 1416.

4. Пинягина Е. С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 240–247.

5. Приговор от 13.09.2018 г. № 01-0048/2/2018 по делу № 01-0048/2/2018 // Мировая юстиция Псковской области. – URL: https://mirsud.pskov.ru/courtsst/activity/dectextus/?id=322375

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — ст.139.

УДК 34

ЖИЛИЩНЫЕ АЛИМЕНТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РЕБЁНКА НА ЖИЛЬЕ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ

Диасамидзе Анна Теймуразовна,
Студентка 4 курса
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
akali-kda23@mail.ru
Терещенко Инесса Максимовна,
Студентка 4 курса
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
tereshenkoinessa2005@yandex.ru
Научный руководитель:
Максимова Наталья Анатольевна,
Кандидат юридических наук, доцент
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
NAMAKSIMOVA@msal.ru

Аннотация: традиционно несовершеннолетние рассматриваются в качестве самой незащищённой группы субъектов семейных правоотношений. Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет обязанность родителей по содержанию детей, однако на практике алиментные платежи зачастую носят нерегулярный характер либо вовсе не производятся. В условиях расторжения брака родитель, с которым остаётся проживать ребёнок, нередко оказывается

лишённым жилья, тогда как второй родитель самоустраняется от решения жилищного вопроса. Внесённые в 2020 году изменения в статью 86 СК РФ, конкретизировавшие случаи несения дополнительных расходов на детей, призваны обеспечить реализацию конституционного права ребёнка на жилище и усилить защиту жилищных прав несовершеннолетних. Вместе с тем отдельные аспекты правового регулирования остались неурегулированными, что существенно затрудняет процедуру взыскания жилищных алиментов. В настоящей работе исследуются механизм взыскания алиментов на обеспечение жильём несовершеннолетнего ребёнка, а также проблемные вопросы, возникающие в судебной практике.

Ключевые слова: алиментные обязательства родителей, дополнительные расходы на содержание детей, жилищные права несовершеннолетних, обеспечение жилым помещением, судебная практика по семейным спорам.

HOUSING ALIMONY AS A TOOL FOR REALIZING A CHILD'S RIGHT TO HOUSING WHEN THE PARENTS LIVE SEPARATELY

Diasamidze Anna Teimurazovna,
fourth year student
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
the city of Moscow, Russia,
akali-kda23@mail.ru
Tereshchenko Inessa Maksimovna,
fourth year student
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
the city of Moscow, Russia,
tereshenkoinessa2005@yandex.ru
Scientific supervisor:
Maximova Natalya Anatolyevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
the city of Moscow, Russia,
NAMAKSIMOVA@msal.ru

Abstract: Minors have traditionally been regarded as the most vulnerable group among the participants of family legal relations. The Family Code of the Russian Federation establishes parents' obligation to support their children, but in practice, alimony payments are often irregular or not made at all. In the event of a marriage breakdown, the parent with whom the child remains often ends up without housing, while the other parent avoids addressing the housing issue. The amendments made in 2020 to Article 86 of the Family Code of the Russian Federation, which clarified the cases in which additional expenses for children are to be borne, are intended to ensure the realization of the child's constitutional right to housing and to strengthen the protection of minors' housing rights. At the same time, certain aspects of the legal regulation remain unresolved, which significantly complicates the procedure for collecting housing alimony. This paper examines the mechanism for collecting alimony to provide housing for a minor child, as well as the problematic issues that arise in judicial practice.

Keywords: parents' alimony obligations, additional expenses for the maintenance of children, housing rights of minors, provision of housing, judicial practice in family disputes.

6 февраля 2020 года в абзац 1 пункта 1 статьи 86 Семейного кодекса Российской Федерации были внесены изменения – конкретизированы случаи, при которых может возникнуть необходимость в несении дополнительных расходов на детей. Одним из таких случаев является отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения, именно в связи с ним в доктрине появился термин «жилищные алименты» [12].

Однако следует подчеркнуть, что жилищные алименты не образуют самостоятельного вида алиментов на ребёнка – они представляют собой одну из разновидностей целевых дополнительных расходов на ребёнка. «Под жилищными алиментами следует понимать дополнительные расходы, взыскиваемые с родителя на обеспечение ребёнка жилым помещением при отсутствии пригодного для постоянного проживания жилья» [3].

Нормы, защищающие права несовершеннолетних, содержатся также в части 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации: при решении судом вопроса о сохранении права пользования жилым помещением, может быть также заявлено требование об обязании лица обеспечить жилым помещением лицо, которому он уплачивает алименты [1].

Дополнительные расходы на улучшение жилищных условий ребенка, подлежащие взысканию с лица, уплачивающего алименты, могут взыскиваться на приобретение нового жилья (квартиры, дома, комнаты), строительство жилья, погашение задолженности по ипотечному кредиту, внесение платы за аренду жилого помещения, ремонт квартиры или жилого дома. Но при этом критерии, определяющие нуждаемость ребенка в жилом помещении, законодателем не были установлены [2, с. 49].

Правовая природа жилищных алиментов неоднозначна. Существенным отличием алиментов по статье 80 Семейного кодекса Российской Федерации от жилищных алиментов, устанавливаемых на основании статьи 86 Семейного кодекса Российской Федерации, является их правовое предназначение: алименты устанавливаются на содержание детей, обеспечение их питанием и одеждой [10]. Данное различие имеет принципиальное значение, поскольку исключает возможность зачёта жилищных алиментов в счёт обычных алиментных обязательств [6].

Жилищные алименты могут быть взысканы как за уже понесённые расходы (за прошедший период), так и на будущее время. При взыскании на будущее время

суд определяет ежемесячную сумму в твёрдой денежной сумме, подлежащую уплате до отпадения обстоятельств, послуживших основанием для взыскания [3].

Пункт 1 статьи 86 Семейного кодекса Российской Федерации был предметом жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации, однако заявителю было отказано в связи с тем, что не были исчерпаны все внутригосударственные средства судебной защиты [4].

Но в практике нет единого подхода к применению данной нормы, не выработано единых условий, служащих основанием для взыскания жилищных алиментов. Подобный случай произошел в Санкт-Петербурге: суд первой инстанции взыскал уже потраченные денежные средства на наем жилого помещения в связи с тем, что жилое помещение, в котором имел право проживания ребенок, и был прописан, находилось в непригодном для проживания состоянии из-за проведения ремонта, однако отказал в части взыскания расходов на будущее. Суд апелляционной инстанции, оценив доказательства по делу, пришел к выводу, что в материалах дела не представлено доказательств наличия у ребенка заболевания, препятствующего проживанию по месту регистрации, а также доказательств того, что указанное жилое помещение в установленном законом порядке признано непригодным для проживания и аренда помещений в квартире может каким-либо образом повлиять на психическое и физическое состояние несовершеннолетней. Неудовлетворительное состояние жилого помещения, согласно представленному акту, вызвано его ремонтом. Также не представлено доказательств иных исключительных обстоятельств – тяжелой болезни, увечья, требующих оплаты постороннего ухода, иных расходов, необходимых для излечения или поддержания здоровья ребенка, протезирования, приобретения лекарств, специальных средств для ухода и т.п. Суд кассационной инстанции также встал на сторону ответчика [5].

Ярким примером является решение Гагаринского районного суда города Севастополя от 26 июля 2023 года по делу № 2-3230/2023 [9]. Истица, действуя

в интересах несовершеннолетней дочери, обратилась с требованием о взыскании с бывшего супруга дополнительных расходов на обеспечение ребёнка жильём. Судом было установлено, что после расторжения брака дочь постоянно проживает с матерью, которая приобрела квартиру в городе Краснодаре по договору участия в долевом строительстве с привлечением ипотечных средств. Ответчик возражал против иска, а суд, в свою очередь, не нашёл оснований для его удовлетворения.

Разрешая спор, суд руководствовался положениями статей 61, 80 и 86 СК РФ, а также статьи 153 ЖК РФ, закрепившей обязанность граждан своевременно и полностью вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги. Ключевым выводом суда стало указание на то, что уплата алиментов на несовершеннолетних детей не освобождает родителей от обязанности по оплате жилья и коммунальных услуг, поскольку алименты имеют иное правовое предназначение, а именно содержание детей, обеспечение их питанием и одеждой. Суд подчеркнул, что обязанность по содержанию детей носит безусловный характер и не связывается с наличием или отсутствием у гражданина постоянного и достаточного дохода. При этом суд сослался на правовую позицию, изложенную в пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 22 [8], согласно которой, если собственником жилого помещения (доли) является несовершеннолетний, обязанность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг несут его родители независимо от факта совместного с ним проживания.

Примечательно, что практика знает и примеры удовлетворения требований, связанных с дополнительным содержанием детей. Так, в деле, рассмотренном Правобережным районным судом Республики Северная Осетия-Алания (решение от 4 февраля 2020 года по делу № 2-192/2020) [11], истица обратилась с иском о расторжении брака, определении места жительства троих несовершеннолетних детей и взыскании алиментов. Судом было установлено,

что после распада семьи дети остались проживать с матерью, а один из сыновей является ребёнком-инвалидом, нуждается в постоянном лечении, регулярных реабилитациях и особом уходе. Ответчик исковые требования признал, не возражал против расторжения брака и определения места жительства детей с матерью, а также против взыскания алиментов, в том числе дополнительно на содержание ребёнка-инвалида.

Разрешая спор, суд руководствовался положениями статей 21, 23, 24, 65, 80, 81, 83, 107 СК РФ, а также разъяснениями, содержащимися в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [7]. Суд определил место жительства несовершеннолетних детей с матерью, исходя из их интересов, возраста, привязанности к матери и отсутствия фактического спора между родителями. При определении размера алиментов суд учёл, что ответчик трудоустроен, имеет регулярный заработок и в целом признал исковые требования, в связи с чем взыскал алименты на содержание троих детей в размере 1/2 части заработка и (или) иного дохода.

Таким образом, анализ судебной практики позволяет выделить ключевую проблему правоприменения: отсутствие законодательно закреплённых критериев нуждаемости ребёнка в жилом помещении и нуждаемости в дополнительном содержании по иным исключительным обстоятельствам. Судам необходимо самостоятельно определять, является ли отсутствие пригодного для проживания жилья или наличие заболевания исключительным обстоятельством в каждом конкретном случае, что порождает противоречивые решения. Если в первом рассмотренном деле суд отказал в удовлетворении требований, указав на отсутствие исключительных обстоятельств и недоказанность нуждаемости, то во втором деле суд, напротив, удовлетворил требования о взыскании дополнительного содержания, приняв во внимание состояние здоровья ребёнка и признание иска ответчиком. Это свидетельствует о том, что решение суда, в

основном, зависит от доказательств, которые представляет истец, и от усмотрения суда при оценке конкретных обстоятельств дела.

Кроме того, остаётся вопрос о порядке участия родителя в обеспечении ребёнка жильём. В этой связи возникает необходимость в законодательном закреплении примерного перечня форм участия родителей в обеспечении жильём детей и определение требований для такого обеспечения.

Библиографический список использованных источников

1. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 4 авг. 2026 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 1, ч. 1;

2. Кузнецова О. В. Жилищные алименты - гарантия прав ребенка на жилье / О. В. Кузнецова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 7, № 2. – С. 46-52. – DOI 10.47475/2618-8236-2022-17207. – EDN NJSVLE;

3. Куржонкова А. Р. Жилищные алименты в судебной практике: порядок взыскания, доказывания, размер, рекомендации / А. Р. Куржонкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 23 (626). — С. 484-486. — URL: https://moluch.ru/archive/626/137771;

4. Определение Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2021 года № 2871-О;

5. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2026 N 88-3936/2026 (УИД 78RS0006-01-2025-000281-42);

6. Официальный сайт РИА Новости Недвижимость: Бывшие семьи: кто после развода должен обеспечить детей жильем // РИА Недвижимость. 2020. 11 февраля. URL: https://realty.ria.ru/20200211/1564546761.html;

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. 2017;

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Российская газета. 2017. № 144;

9. Решение Гагаринского районного суда г. Севастополя № 2-3230/2023 2-3230/2023~М-2203/2023 М-2203/2023 от 26 июля 2023 г. по делу № 2-3230/2023;

10. Решение Кстовского городского суда Нижегородской области № 2-1790/2020 2-1790/2020-М-1215/2020 М-1215/2 02 0 от 29 июля 2020 года по делу № 2-1790/2020;

11. Решение Правобережного районного суда Республики Северная Осетия-Алания № 2-1124/2019 2-192/2020 2-192/2020(2-1124/2019;)~М-1084/2019 М-1084/2019 от 3 февраля 2020 г. по делу № 2-1124/2019;

12. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 1.

УДК 343

ВОЗМЕЗДНАЯ СДАЧА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗУЕМОСТИ

Мутовкин Даниил Русланович,
студент 3 курса
МГЮА им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, Россия,
fhicihf@mail.ru

Аннотация: статья посвящена критическому анализу возможности введения института возмездной сдачи наркотических средств несовершеннолетними как способа противодействия наркотрафику, рассмотрены основные достоинства данного механизма, приведены правовые, экономические и психологические аргументы практической нереализуемости института.

Ключевые слова: возмездная сдача, наркопреступность, наркотические средства, несовершеннолетние, оперативно-розыскная деятельность, ответственность несовершеннолетних, сбыт наркотических средств, уголовное право.

COMPENSATED SURRENDER OF NARCOTIC DRUGS BY MINORS AS A MEANS OF COUNTERING DRUG-RELATED CRIME: PROBLEMS OF IMPLEMENTABILITY

Mutovkin Daniil Ruslanovich,
third year student,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Moscow, Russia,
fhicihf@mail.ru

Abstract: The article provides a critical analysis of the possibility of introducing compensated surrender of narcotic drugs by minors as a means of countering drug trafficking; the main advantages of this mechanism are considered, and legal, economic and psychological arguments for the practical unfeasibility of the institution are presented.

Keywords: compensated surrender, criminal law, drug-related crime, liability of minors, minors, narcotic drugs, operational-search activity, sale of narcotic drugs.

Согласно информации МВД России, за январь–август 2026 года было выявлено 87,5 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [2]. Особенное внимание общественности привлекает вовлечение несовершеннолетних в сбыт наркотиков в качестве курьеров, закладчиков и иных участников, связанных с непосредственной транспортировкой наркотических средств. В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. [5] обозначены основные пути решения проблемы наркобизнеса: профилактика и раннее выявление потребления наркотиков, совершенствование антинаркотической деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков, сокращение числа наркопотребителей, сокращение количества преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также совершенствование международного сотрудничества в сфере оборота наркотиков.

Отдельно следует отметить предложение заместителя председателя Государственной Думы В. А. Даванкова, который в 2023 г. предложил ввести денежное вознаграждение за нахождение наркотиков и их сдачу в правоохранительные органы [1]. Изначально инициатива касалась вознаграждения для бдительных граждан, однако в рамках настоящей работы

предлагается рассмотреть возможность адаптации данного института в отношении несовершеннолетних курьеров и закладчиков. Речь идёт не столько о механизме посткриминального расследования, сколько о попытке дестабилизировать устойчивую цепочку наркотрафика.

Аналогию данного механизма можно вывести из института добровольной сдачи оружия за денежное вознаграждение, возникшего в США. Программа «Gun Buyback» предполагает, что лицо, обладающее оружием, даже не имея на него прав, может сдать его государственному органу без последующей ответственности за нарушение закона, связанного с его хранением. Отдельно стоит отметить эффективность данного механизма: согласно исследованию, проведённому американским Национальным бюро экономических исследований [8, с. 13–19], программа «Gun Buyback» не дала значительных результатов в сфере снижения преступлений с применением оружия, что связывают с низкой ценой выкупа огнестрельного оружия. Кроме того, программа оказалась востребованной среди населения, наименее подверженного криминогенному риску. В отличие от возмездной сдачи оружия, российское законодательство предусматривает аналогичный институт в сфере наркотических средств, а именно примечание к ст. 228 УК РФ [6], согласно которому лицо может добровольно отказаться от совершения обозначенного состава при условии, что сдаст безвозмездно имеющиеся наркотические средства, а также активно поспособствует дальнейшему разоблачению. Однако здесь необходимо сразу оговорить важное ограничение: примечание к ст. 228 УК РФ не распространяется на ст. 228.1 УК РФ, то есть на сбыт наркотических средств. Следовательно, для несовершеннолетнего курьера или закладчика, действия которого квалифицируются как сбыт, добровольная сдача сама по себе не создаёт автоматического освобождения от уголовной ответственности. Внимание именно к условию возмездности за сдачу является более предпочтительным к рассмотрению, о чём и будет сказано позднее.

Сначала необходимо обозначить, что попытка гуманизировать ответственность в отношении несовершеннолетних за преступления, связанные со сбытом наркотических средств, обусловлена их правовой неосведомлённостью, наличием «лёгких» денег, а также реальной ответственностью и влиянием исправительных учреждений, к отбыванию в которых суд может приговорить обвиняемого. Как итог, несовершеннолетний оказывается в суровой системе исполнения наказания, которая может стать идеальной средой для дальнейшего укрепления криминального воздействия, и после недлительного отбывания наказания общество получает лицо с устойчивыми криминальными установками, готовое к совершению новых преступлений. В рамках работы не будут подниматься вопросы роли материальных ценностей в мировоззренческой системе подрастающего поколения, что становится одной из причин совершения преступления в данной сфере, а также пенитенциарную функцию исправительной системы: данные проблемы заслуживают отдельного рассмотрения.

Аргументами в пользу создания такого механизма можно выделить несколько особенностей вопроса. Во-первых, институт позволит гуманизировать ответственность путём создания новых обстоятельств, освобождающих несовершеннолетних от уголовной ответственности. Во-вторых, цепочка наркобизнеса потеряет важную часть – многочисленность курьеров для дальнейшего сбыта. В-третьих, сможет оказать воздействие на несформированное правовое сознание сомневающихся преступников: несовершеннолетние нередко сомневаются в отсутствии последствий за свои действия, но из-за неосведомлённости об институте добровольного отказа решают идти до конца. Наконец, институт сможет привлечь внимание несовершеннолетних именно своей возмездностью, что и является главной целью несовершеннолетних в рамках данного состава.

Однако нужно отметить, что сама сущность института является довольно противоречивой. В ст. 49 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О

наркотических средствах и психотропных веществах» [3] предусмотрена возможность проведения проверочной закупки – оперативно-розыскного мероприятия, при котором с ведома и под контролем органов допускается приобретение наркотических средств. Введение института стало бы своеобразной провокацией государства в отношении несовершеннолетних, побуждающей их к совершению уголовно наказуемого преступления, за которое они впоследствии не должны были подлежать ответственности. В ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] закреплён запрет органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать к совершению преступления. Наконец, в Постановлении ЕСПЧ от 04.11.2010 «Дело Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» [6] был определён критерий разграничения неправомерной провокации и проверочной закупки – «пассивность» действий органов власти. В связи с вышесказанным введение института в его исходной форме натолкнулось бы на ограничения, установленные в законе и подтверждаемые практикой, и требовало бы профессиональной юридической техники для предотвращения возможных правовых коллизий.

Нужно отдельно обозначить возможность злоупотребления данным институтом как недобросовестными несовершеннолетними, так и взрослыми. В условиях современного наркобизнеса получение наркотических средств для дальнейшего сбыта не обременено существенными проблемами и вполне доступно в социальных сетях. Таким образом, институт может превратиться в такой же способ получения «лёгких» денег. Можно предположить, что решение проблемы злоупотребления совершеннолетними лежит в плоскости ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления» [7], однако, как было сказано ранее, сама сущность механизма предполагает легальный механизм сбыта, таким образом, и состава ст. 150 УК РФ здесь нет. Исходя из написанного, законодатель при введении механизма должен будет установить

определённые ограничения на частоту взаимовыгодного сотрудничества несовершеннолетнего и органов власти.

Аргумент причинения материального ущерба наркобизнесу путём лишения его важной части структуры имеет место быть, однако обладает значительными минусами. Сначала важно установить, какой размер бюджета будет истребован при реализации механизма легальной возмездной сдачи с учётом того, что выплаты должны быть соразмерны тому, что предварительно обещали несовершеннолетним, иначе механизм не будет настолько часто применимым. Однако здесь возникает проблема в том, что за последние десятилетия сам наркобизнес значительно трансформировался (цифровизировался, начал использовать неотслеживаемые цифровые валюты, приобрёл систему практически неограниченного объёма курьеров), а значит, что и в данной ситуации сможет адаптироваться. Скорее всего, это будет связано с повышением стоимости обещанных курьерам выплат, попытка соответствовать которым может стать причиной серьёзных финансовых проблем из-за отсутствия большого количества свободных финансов в государственном бюджете. Ещё одной отрицательной стороной участия несовершеннолетнего в организованной государством борьбе с наркобизнесом может стать попытка организации мер давления и устрашения в отношении «предавших» курьеров, нередко с применением насилия. Получается, государству придётся брать ответственность за обеспечение безопасности несовершеннолетних, что, как итог, в любом случае оставляет их в состоянии постоянной угрозы и создаёт значительную нагрузку на силовые органы государственной власти.

Ещё одним спорным аргументом является возможное воздействие на психологию несовершеннолетних. В силу несформировавшегося мировоззрения, ценностей и колеблющейся самоуверенности несовершеннолетние могут быть склонны менять своё мнение в течение всего процесса осуществления преступного замысла. Наличие аналога преступному сбыту может отозваться в мыслях рационального несовершеннолетнего как более безопасный способ

получить необходимые деньги, так и более эмоционального, принимающего решения на внутренних импульсах. Однако эмпирически проверить данный аргумент не представляется возможным, потому что наркобизнес давно использует систему поддержания несовершеннолетних в состоянии постоянного стресса, шантажируя возможностью сообщить в государственные органы и «сдать» сомневающегося несовершеннолетнего.

Рассматривание гипотетического механизма позволило обозначить критические проблемы его реализации в связи с проблемами его сущностного, экономического и правоприменительного характера. Это всё также подтверждает идею о том, что абсолютного инструмента в борьбе с наркотрафиком не существует, однако это не отменяет реализуемые на данный момент методы постепенной борьбы: профилактика и просвещение несовершеннолетних, предотвращение совершаемых преступлений, связанных с наркотическими средствами, а также активное взаимодействие с иностранными государствами в сфере борьбы с наркотиками.

Библиографический список использованных источников

1. Зампред Госдумы предложил ввести вознаграждение за сдачу наркотических закладок // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6184359 (дата обращения: 27.09.2026).

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2026 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф/reports/item/97163938/ (дата обращения: 27.09.2026).

3. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 27.10.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 219.

4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

5. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 (ред. от 16.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 48. – Ст. 7710.

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.11.2010 «Дело "Банникова" (Bannikova) против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06) // Российская хроника Европейского Суда. – 2011. – № 4.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

8. Ferrazares, T. Have U.S. Gun Buyback Programs Misfired? / T. Ferrazares, J. J. Sabia, D. M. Anderson. – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2022. – (NBER Working Paper Series; no. 28763). – URL: https://www.nber.org/papers/w28763 (date of access: 27.09.2026). – DOI 10.3386/w28763.

УДК 343.2/.7

БЛАНКЕТНЫЕ НОРМЫ ГЛАВЫ 22 УК РФ И РОЛЬ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ: ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И ИНОГО ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Суринова Анастасия Вадимовна,
студентка 3 курса магистратуры
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
г. Донецк, Россия,
anastasia_ivantsova2002@mail.ru

Тимошенко Нина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
г. Донецк, Россия,
n.timowenko@mail.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме бланкетных норм главы 22 УК РФ и влиянию изменений отраслевого законодательства на уголовную ответственность. Показано, как судебное толкование обеспечивает межотраслевую связь: изменение базового законодательства трансформирует содержание уголовно-правового запрета при неизменном тексте статьи УК РФ.
Ключевые слова: бланкетная диспозиция, бланкетные нормы, глава 22 УК РФ, гражданское законодательство, Конституционный Суд РФ, межотраслевая связь, отраслевое законодательство, постановление Пленума Верховного Суда РФ, правоприменитель, судебное толкование.

BLANKET NORMS OF CHAPTER 22 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE ROLE OF JUDICIAL INTERPRETATION: HOW CHANGES IN CIVIL AND OTHER SECTORAL LEGISLATION AFFECT CRIMINAL LIABILITY

Surinova Anastasia Vadimovna,
third year student Master's
FGBOU VO «DonGU»,
the city of Donetsk, Russia,
anastasia_ivantsova2002@mail.ru

Timoshenko Nina Alexandrovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
FGBOU VO «DonGU»,
the city of Donetsk, DPR, Russia,
n.timowenko@mail.ru

Abstract: the article examines blanket norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation and the impact of sectoral legislation changes on criminal liability. It shows how judicial interpretation ensures an intersectoral connection: changes in basic legislation transform the content of the criminal law prohibition while the Criminal Code text remains unchanged.

Keywords: blanket disposition, blanket provisions, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, civil legislation, Constitutional Court of the Russian Federation, intersectoral connection, sectoral legislation, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, law enforcement authority, judicial interpretation.

Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) выделяется среди прочих разделов Особенной части кодекса значительным объёмом нормативного материала – в ней содержится примерно 60 уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за соответствующие деяния. При этом в правоприменительной практике активно задействуется не более 12 из них - то есть порядка 20 % состава главы. Остальные 80 % норм практически не используются и, по сути, носят формальный характер. Такая картина сохраняется на протяжении последних 25 лет, хотя законодатель регулярно вносит изменения в положения главы. Ключевыми факторами сложившейся ситуации выступают два обстоятельства: во-первых, бланкетный характер значительной части диспозиций - он вынуждает правоприменителя обращаться к нормам иных отраслей права; во-вторых, в структуру главы изначально попали нормы, предмет которых не связан напрямую с посягательствами на экономические отношения [6, с. 27].

В доктрине уголовно-правовой науки бланкетная диспозиция трактуется как конструкция, при которой признаки противоправного деяния не формулируются в самом Уголовном кодексе, а определяются через отсылку к законодательным актам смежных отраслей. Н. С. Боровиков считает, что подобная норма не выступает самостоятельным регулятором общественных отношений, реализуя свою функцию исключительно во взаимодействии с другими правовыми предписаниями. В свою очередь, Л. Р. Клебанов акцентирует внимание на том, что сущность бланкетности заключается в обязательном обращении к правилам, установленным в других отраслях, где непосредственно раскрываются или уточняются признаки преступления [5, с. 70-71].

Н. И. Пикуров характеризует бланкетные нормы как «гордиев узел» отечественной правовой системы: по его мнению, они не просто обеспечивают связь между нормами разных отраслей, но и существенно осложняют работу правоприменителей. В развитие этой позиции О. Н. Пикуров подчёркивает, что

при пересечении гражданско-правовых и уголовно-правовых предписаний содержание первых способно трансформироваться – с учётом специфики публично-правовой ответственности. Автор также проводит разграничение между, собственно, бланкетностью и более широкой категорией «взаимосвязи» правовых отраслей [14, с. 1].

Признание данного механизма нашло отражение в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который в Определении от 10 июля 2003 года № 270-О отметил, что «декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путём внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путём отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона» [7]. Иными словами, изменение базового (гражданского, налогового, административного) законодательства автоматически трансформирует содержание уголовно-правового запрета, сформулированного через бланкетную диспозицию, - несмотря на то, что текст самой статьи УК РФ может оставаться неизменным.

В этих условиях особое значение приобретает институт судебного толкования - прежде всего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые, как указано в статье 126 Конституции Российской Федерации [4] и статьи 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», даются «по вопросам судебной практики на основе её изучения и обобщения» [17].

Одним из наиболее ярких примеров адаптивной функции судебных разъяснений является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», разъясняющее применение статьи 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство»). В пункте 1 данного Постановления Пленум прямо указывает, что при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, судам

следует выяснять, «соответствуют ли эти действия указанным в пункте 1 статьи 2 ГК РФ признакам предпринимательской деятельности».

Тем самым Пленум Верховного Суда Российской Федерации установил чёткую межотраслевую связь: содержание понятия «предпринимательская деятельность» в уголовном праве должно определяться по гражданско-правовым критериям. То есть любое изменение пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) влияет на границы уголовной наказуемости по статье 171 УК РФ.

Особое значение имеет пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», согласно которому «если федеральным законодательством из перечня видов деятельности, осуществление которых разрешено только на основании специального разрешения (лицензии), исключен соответствующий вид деятельности, в действиях лица, которое занималось таким видом предпринимательской деятельности, отсутствует состав преступления, предусмотренный статьей 171 УК РФ». На наш взгляд, данное положение прямо закрепляет то, что изменение регулятивного законодательства (исключение вида деятельности из перечня лицензируемых) ведёт к отпадению признаков уголовно-наказуемого деяния, даже если текст статьи 171 УК РФ не изменился [8].

Тезис о том, что изменение базового законодательства автоматически трансформирует содержание уголовно-правового запрета, сформулированного через бланкетную диспозицию, получил прямое практическое воплощение в недавней судебной практике. Рассмотрим Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2025 г. № 3-УД25-6-К3 по делу ИП Игнатова Н.Ю. Индивидуальный предприниматель, не имея лицензии на перевозки внутренним водным транспортом, заключил с администрацией Усть-Куломского района Республики Коми муниципальный контракт на функционирование паромной переправы через реку Вычегда в

условиях режима чрезвычайной ситуации: понтонный мост был закрыт на ремонт, за рекой оставались четыре населённых пункта с 2000 жителей. Игнатов неоднократно предупреждал главу администрации об отсутствии лицензии, но тот уговорил его, ссылаясь на режим ЧС и заверяя, что «всё решено на уровне руководства Республики Коми». Доход составил 3 200 000 рублей. Действия были квалифицированы по части 1 статьи 171 УК РФ [3].

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 06.04.2024 № 79-ФЗ из части 1 статьи 171 УК РФ был исключён криминообразующий признак «сопряжено с извлечением дохода в крупном размере». Суд первой инстанции прекратил дело ввиду отсутствия в деянии состава преступления и издания уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния [11], а апелляционная согласилась [1]. То есть суды посчитали, что из-за этих изменений в законе само деяние перестало быть преступным.

Однако Верховный Суд Российской Федерации отменил все решения и прекратил дело по иному основанию - за отсутствием состава преступления (пункт 2 части 1 статьи 24, пункт 2 части 1 статьи 27 УПК РФ), с признанием права на реабилитацию. Решение Верховного Суда Российской Федерации основано не просто на изменении текста уголовного закона, а на сущностной оценке того, что бланкетная норма не охватывала действия Игнатова.

В данном деле мы видим принципиально разные основания для прекращения дела. Анализ определения позволяет сделать вывод, что при оценке наличия состава преступления по статье 171 УК РФ Верховный Суд Российской Федерации фактически вышел за рамки буквального текста уголовного закона: установленные судом обстоятельства (режим ЧС, разовый характер действий, отсутствие сведений о коммерческой деятельности вне рамок контракта) свидетельствуют о том, что деятельность Игнатова не обладает признаками предпринимательской деятельности в смысле п. 1 ст. 2 ГК РФ [3].

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что декриминализация может осуществляться не только через изменение уголовного закона, но и через изменение нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности. Дело Игнатова демонстрирует, что роль такого «изменения» может выполнять не только законодательная отмена нормы, но и судебное раскрытие содержания бланкетной нормы - когда суд устанавливает, что реальное содержание запрета (с учётом всех отсылок) не охватывает конкретные действия.

Далее предлагается рассмотреть Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [9]. Оно было принято в развитие норм, введённых Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.04.2010 № 60-ФЗ [15], установившего особенности уголовной ответственности и судопроизводства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

Особое внимание Пленум уделяет разграничению сферы применения специальных гарантий в зависимости от категории составов преступлений и статуса лица. Так, для ряда составов (в частности, частей 1-4 статьи 159, статей 160, 165, 201 УК РФ) особые правила судопроизводства применяются только при условии, что преступление совершено индивидуальным предпринимателем либо членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности. Для другой группы составов (включая части 5-7 статьи 159, статьи 171, 176-178, 198-199.4 УК РФ) эти особенности действуют независимо от правового статуса лица. При этом сам по себе преступный характер действий не свидетельствует об отсутствии предпринимательского характера

деятельности: бремя доказывания отсутствия такой связи возлагается на сторону обвинения.

Гражданско-правовой статус лица (статус индивидуального предпринимателя, членство в органе управления коммерческой организации) не является определяющим для установления самого факта уголовной ответственности по нормам главы 22 УК РФ. Он служит критерием для применения специальных процессуальных гарантий [9].

Таким образом, Постановление систематизирует применение специальных правил уголовного судопроизводства в отношении субъектов предпринимательской деятельности, конкретизирует критерии отнесения деяний к сфере экономической деятельности и устанавливает дополнительные гарантии защиты прав предпринимателей на всех стадиях процесса.

Ситуация с преступлениями, связанными с банкротством (статьи 195-197 УК РФ), демонстрирует обратный пример - случай, когда адаптивная функция судебного толкования не реализована. Доля банкротных преступлений в структуре судимости за преступления в сфере экономической деятельности ежегодно составляет не более 1% - в среднем около 60 осуждённых, из которых около 80% - за преднамеренное банкротство (статья 196 УК РФ) [13].

Сложность квалификации этих преступлений напрямую связана с бланкетной природой соответствующих норм: понятия «признаки банкротства», «неспособность в полном объёме удовлетворить требования кредиторов» заимствуются из Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который за время своего действия претерпел множество существенных изменений [18, с.90].

Проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством» был подготовлен, но так и не принят. В проекте, в частности, предлагалось разъяснить, что «для решения вопроса о наличии признаков банкротства возбуждение арбитражным судом производства по делу о

несостоятельности (банкротстве) обязательным не является», а также дать определения понятиям «сокрытие имущества», «отчуждение имущества», «уничтожение имущества» в контексте статьи 195 УК РФ, опираясь на гражданско-правовые категории активов, обязательств и сделок распоряжения [12].

Отсутствие принятого постановления создаёт серьёзные проблемы для правоприменителя. Без судебных разъяснений суды по-разному определяют момент возникновения признаков банкротства, по-разному квалифицируют действия по сокрытию имущества (одни суды требуют возбуждения дела о банкротстве, другие - нет), а понятия «сокрытие» и «отчуждение» имущества толкуются с учётом различных норм ГК РФ. Отсутствие единого подхода подрывает принцип правовой определённости и создаёт условия для произвольного применения уголовного закона.

Постановление Пленума ВС РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» заменило ранее действовавшее Постановление от 28.12.2006 № 64 и систематизировало судебную практику по всем четырём составам главы 22 УК РФ, предусматривающим ответственность за налоговые преступления: статья 198 («Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица - плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов»), статья 199 («Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов»), статья 199.1 («Неисполнение обязанностей налогового агента») и статья 199.2 («Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов») [10]. Принятие нового постановления было обусловлено существенными изменениями налогового и уголовного законодательства за двенадцать лет - прежде всего включением страховых

взносов в предмет регулирования налоговых составов (Федеральный закон от 29.07.2017 № 250-ФЗ), корректировкой размеров преступлений и примечаний к статьям 198-199.1 УК РФ [16].

Указанное Постановление - один из наиболее сложных с точки зрения бланкетности актов. Как показало исследование, по выборке приговоров по статье 199 УК РФ за 2023 год среднее количество ссылок на налоговое и иное отраслевое законодательство составило 7 источников и не менее 36 отсылок к отдельным нормам. Пленум предпринял попытку унифицировать подходы к квалификации, разъяснив ключевые понятия («уклонение», «крупный размер», способы совершения преступления) через обращение к Налоговому кодексу РФ [2, с. 90].

Однако налоговые составы, несмотря на их преимущественную связь с налоговым правом, также опираются на гражданско-правовые категории. Так, по статье 199.2 УК РФ (сокрытие имущества, за счёт которого должно производиться взыскание недоимки) понятие «имущество» и «денежные средства» определяется через статью 128 ГК РФ, устанавливающую перечень объектов гражданских прав. Способы сокрытия имущества (договоры залога, дарения, купли-продажи, мены) квалифицируются с учётом норм ГК РФ о сделках (статьи 153-170 ГК РФ). Признание сделок мнимыми или притворными (статья 170 ГК РФ) может стать основанием для установления факта сокрытия имущества от взыскания.

По статьям 198-199 УК РФ способы уклонения часто описываются через фиктивные или мнимые сделки, направленные на создание видимости экономической деятельности или искажение налоговой базы. Для квалификации таких действий правоприменитель вынужден обращаться к гражданско-правовым нормам о недействительности сделок (статьи 168-170 ГК РФ), о представительстве (статья 182 ГК РФ), о поручительстве и залоге (статьи 361, 334 ГК РФ).

Субъект налоговых преступлений также определяется с учётом гражданско-правового статуса: понятие «организация» опирается на статью 48 ГК РФ (понятие юридического лица), а статус индивидуального предпринимателя - на статью 23 ГК РФ. Таким образом, даже в налоговых составах, наиболее тесно связанных с налоговым, а не гражданским правом, гражданско-правовые категории играют существенную роль в квалификации, однако в Постановлении Пленума № 48 этот аспект не получил специального освещения.

Таким образом, проведённый анализ позволяет оценить эффективность постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации как инструмента адаптации бланкетных норм главы 22 УК РФ к изменениям гражданского законодательства следующим образом.

Во-первых, постановления Пленума успешно выполняют функцию межотраслевого «моста» там, где они приняты и актуализированы. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» по статье 171 УК РФ обеспечивает прямую связь между гражданско-правовым понятием предпринимательской деятельности (пункт 1 статьи 2 ГК РФ) и границами уголовной наказуемости, а пункт 17 данного Постановления закрепляет принцип отпадения состава преступления при изменении регулятивного законодательства.

Во-вторых, эффективность судебного толкования снижается, когда постановления не обновляются синхронно с изменениями законодательства. Изменения, внесённые Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ, не нашли отражения в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», что создаёт разрыв между законом и его судебным толкованием.

В-третьих, в случаях, когда постановления Пленума отсутствуют вовсе (банкротные преступления), адаптивная функция судебного толкования не реализуется. Отсутствие принятого постановления по банкротным преступлениям приводит к разнобою в квалификации, особенно при определении понятий «сокрытие» и «отчуждение» имущества через гражданско-правовые категории.

В-четвёртых, даже в постановлениях, посвящённых составам, преимущественно связанным с иной отраслью (статьи 198-199.2 УК РФ), гражданско-правовые категории играют существенную роль (понятие имущества по статье 128 ГК РФ, сделки по статьям 153-170 ГК РФ, статус юридического лица по статье 48 ГК РФ), однако этот аспект не получает в разъяснениях Пленума самостоятельного освещения.

На основании изложенного предлагаются следующие направления совершенствования судебного толкования: 1) актуализировать Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» с учётом изменений, внесённых Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ; 2) принять постановление Пленума ВС РФ по делам о преступлениях, связанных с банкротством, с использованием подготовленного проекта; 3) дополнить разъяснения по налоговым преступлениям положениями, касающимися применения гражданско-правовых категорий (имущество, сделки, недействительность сделок) при квалификации статей 198-199.2 УК РФ; 4) установить практику регулярного обновления постановлений Пленума при существенных изменениях отраслевого законодательства, к которому отсылают бланкетные нормы главы 22 УК РФ.

Библиографический список использованных источников

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми от 10 сентября 2024 года по делу № 1-29/2024 // Официальный сайт Верховного Суда

Российской Федерации. - URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/claims/17-36235450?ysclid=mupiwv4e1u776972510 (дата обращения: 29.09.2026).

2. Вальтер А.В. Повышенная бланкетность как проблема квалификации налоговых преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. - 2024. - № 4 (43). - С. 96.

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2025 № 3-УД25-6-К3 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. - URL: https://client.consultant.ru/ (дата обращения: 29.09.2026).

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.09.2026).

5. Кузнецов П.О. Бланкетные диспозиции: отдельные проблемные вопросы теории и практики // Государство и право: теория и практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). - Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. - С. 70-71.

6. Лозинский И.В. К проблемам дальнейшего совершенствования главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовная юстиция. - 2022. - №20. - С. 27.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44130/ (дата обращения: 27.09.2026).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/ (дата обращения: 29.09.2026).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 23.12.2025) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/ (дата обращения: 29.09.2026).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (дата обращения: 29.09.2026).

11. Постановление Усть-Куломского районного суда Республики Коми от 5 июля 2024 года по делу № 1-29/2024 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/claims/17-36235450?ysclid=mupiwv4e1u776972510 (дата обращения: 29.09.2026)

12. Проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством»: (г. Москва, 201_ г.) // LawTech: [сайт]. - URL: https://www.lawtech.ru/document/proekt-postanovleniya-plenuma-verhovnogo-suda-rossijskoj-federatsii-«o-nekotoryh-voprosah-s (дата обращения: 29.09.2026).

13. Противоречия судебной практики по делам о криминальном банкротстве [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. - URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/protivorechiya-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-

kriminalnom-bankrotstve/?ysclid=mupkbya61q106529530 (дата обращения: 29.09.2026).

14. Разуваева Т. С. Проблемы правового регулирования легализации преступных доходов // Научный Лидер. - 2022. - №21 (66). - С. 1.

15. Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99174/ (дата обращения: 29.09.2026).

16. Федеральный закон от 29.07.2017 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221216/ (дата обращения: 29.09.2026).

17. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 04.08.2026) «О Верховном Суде Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (дата обращения: 29.09.2026).

18. Хаперская К.С., Брыка И.И. Непосредственный объект преступных посягательств в сфере банкротства // Закон и право. - 2019. - №6. - С. 90.

УДК 34

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ НАРУШЕНИЙ В МЕХАНИЗМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ (УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА) И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Куянбаева Елена Игоревна,
преподаватель - исследователь,
пенсионер МВД РФ,
г. Челябинск, Россия,
Elena.Kuyanbaeva@mail.ru

Аннотация*:* в представленной статье осуществляется комплексный сравнительно-правовой анализ системных ошибок и процессуальных деформаций, возникающих в ходе взаимодействия оперативных подразделений уголовного розыска со следственными органами. Исследование базируется на детальном изучении положений уголовно-процессуального законодательства и обширной правоприменительной практики трех государств-членов ЕАЭС: Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Ключевые слова*:* предварительное следствие, принцип конспирации, следственное действие, недопустимые доказательства, уголовный розыск.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF TYPICAL VIOLATIONS IN THE MECHANISM OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATIVE (CRIMINAL INVESTIGATION) BODIES AND PRELIMINARY INVESTIGATION: EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE REPUBLIC OF BELARUS, AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Kuyanbaeva Elena Igorevna,
researcher teacher,
retired from the Ministry of Internal Affairs,
Chelyabinsk, Russia,
Elena.Kuyanbaeva@mail.ru

Abstract: the article presents a comprehensive comparative legal analysis of systemic errors and procedural distortions that arise during the interaction between operational units of the criminal investigation department and investigative bodies. The study is based on a detailed examination of the provisions of criminal procedure legislation and extensive law enforcement practice in three EAEU member states: the Russian Federation, the Republic of Belarus, and the Republic of Kazakhstan.
Keywords*:* preliminary investigation, principle of secrecy, investigative action, inadmissible evidence, criminal investigation.

Эффективность досудебного производства по уголовным делам является фундаментальным условием для отправления справедливого правосудия и напрямую детерминирована качеством межведомственного и внутриведомственного взаимодействия ключевых субъектов стороны обвинения - следователя и органа дознания.

Уголовно-процессуальные кодексы Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ), Республики Беларусь (далее по тексту УПК РБ) и Республики Казахстан (далее по тексту – УПК РК), имея общую генетическую связь с советской школой права, тем не менее демонстрируют различные подходы к конструированию модели их сотрудничества. Общими чертами выступают принцип процессуальной субординации органа дознания по отношению к следователю при одновременном сохранении за первым относительной оперативной самостоятельности в выборе средств и методов негласной работы.

Однако эмпирические данные судебной статистики, материалы обобщений прокурорского надзора и результаты ведомственного контроля свидетельствуют о перманентном наличии латентных и явных дисфункций в данном механизме. Эти нарушения носят не случайный, а системный характер, формируя устойчивые негативные тенденции, которые снижают раскрываемость преступлений и ведут к необоснованному затягиванию сроков расследования.

Целью настоящего исследования является систематизация, углубленный анализ и сравнительная оценка наиболее критичных правовых и организационных ошибок указанного взаимодействия, а также выявление коренных причин их воспроизводства в национальных юрисдикциях.

Несвоевременная передача материалов оперативной работы, это одна из актуальных проблем, которая выражается в нарушении установленных как законодательством, так и внутриведомственными актами регламентов и сроков направления результатов оперативно-розыскной деятельности (далее по тексту – ОРД) следователю для решения вопроса об их проверке, легализации и приобщении к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

Согласно ст. 144 УПК Российской Федерации, срок доследственной проверки сообщения о преступлении составляет от 3 до 30 суток.

На практике органы уголовного розыска зачастую искусственно затягивают передачу рапортов об обнаружении признаков преступления и первичных материалов ОРД до истечения максимального срока, что как правило обусловлено двумя факторами: стремлением завершить сложную оперативную комбинацию либо желанием избежать преждевременного ознакомления проверяемых лиц с самим фактом проведения негласных мероприятий, чтобы предотвратить противодействие расследованию [4, с. 45].

Однако обратной стороной такой тактики становится фатальная утрата доказательственной базы: уничтожаются физические следы преступления, свидетели подвергаются давлению, выстраивается согласованная линия защиты подозреваемых. Более того, суды в последующем нередко признают полученные

с опозданием материалы недопустимыми доказательствами ст. 75 УПК РФ, поскольку защита успешно оспаривает возможность достоверно установить время, место и условия их получения, указывая на риск фальсификации [1, с. 112].

В Белоруссии, такая проблема усугубляется спецификой правового статуса оперативного сотрудника, который в соответствии со ст. 37 и ст. 186 УПК РБ, наделен полномочиями не только выполнять поручения, но и самостоятельно возбудить уголовное дело в пределах своей компетенции [6].

На практике это приводит к нездоровой конкуренции компетенций между Следственным комитетом Республики Беларусь и МВД: оперативные подразделения склонны накапливать массив непроцессуализированной информации, пытаясь собственными силами квалифицировать деяние и собрать достаточные данные для возбуждения дела. Передача материалов следователю происходит лишь после возникновения неустранимых сложностей или правовой коллизии, что влечет за собой дублирование уже проведенных процессуальных действий (повторные опросы, осмотры), конфликт ведомственных интересов и необоснованное продление сроков проверки.

Законодательство республики Казахстан (в частности, ст. 193 УПК РК) предусматривает прогрессивный институциональный предохранитель - возможность создания совместных следственно-оперативных групп (далее по тексту СОГ) под единым руководством прокурора [4, с. 193]. Оперативные сотрудники передают следователю исключительно успешные результаты ОРМ, целенаправленно скрывая неудачные эпизоды, что создает у следователя искаженную, излишне оптимистичную картину доказательственной базы, формируя ложное убеждение в ее полноте и достаточности для предъявления окончательного обвинения [5, с. 201].

Критический момент наступает в ходе судебного разбирательства, когда скрытые пробелы внезапно обнажаются, что часто приводит к возвращению дел

прокурору для дополнительного расследования в порядке ст. 323 УПК РК из-за неполноты следствия [7].

Утечка служебной информации и нарушение режима конспирации также является одной из основной причиной нарушения. Нарушение принципа конспирации представляет собой комплексную проблему, находящуюся на стыке уголовно-процессуального права, норм административно-дисциплинарного характера и даже вопросов национальной безопасности. Раскрытие тактических замыслов или личности конфидентов может полностью парализовать расследование [3, с. 56].

В России основной причиной утечек выступает неоправданно большое количество бюрократических посредников в цепочке передачи информации. Поручение следователя проходит через руководителя следственного органа, начальника органа дознания, его заместителя по оперативной работе и лишь затем доходит до непосредственного исполнителя — оперуполномоченного. На каждом этапе информация подвергается устному пересказу, фиксации в многочисленных журналах учета и электронных базах данных, доступ к которым имеет широкий круг сотрудников, включая технический персонал. Кроме того, распространенным грубым нарушением является использование сотрудниками уголовного розыска незащищенных каналов связи (популярные мессенджеры, личная электронная почта) для согласования тактики задержания или проведения обыска, что делает перехват информации тривиальной задачей.

В Белоруссии уязвимым звеном является специфический этап легализации материалов ОРД. При переводе полученной секретной информации в статус судебных доказательств (снятие грифа «Секретно», вынесение постановления о рассекречивании, оформление актов осмотра носителей) задействуется значительное число должностных лиц штабных, кадровых и специальных документально-связных подразделений. Отсутствие единой, сквозной защищенной цифровой платформы обмена данными между центральными аппаратами Следственного комитета и МВД РБ делает этот процесс

фрагментированным и плохо контролируемым, повышая риски компрометации конфиденциальных источников, штатных негласных сотрудников и расшифровки применяемых технических средств [2, с. 215].

В Казахстане специфическим фактором риска является широкое применение института «добровольных помощников полиции» и содействие граждан. Утечка часто происходит не вследствие прямого злого умысла аттестованных сотрудников, а по причине отсутствия должного инструктажа, обучения и контроля над привлеченными гражданскими лицами, которые используются оперативными работниками для установления длительного наружного наблюдения, сбора первичной информации в микросреде подозреваемого или внедрения в окружение объекта. Де-факто становясь носителями сведений строго ограниченного распространения, такие помощники могут разглашать информацию непреднамеренно, в бытовом общении, создавая каналы утечки, которые практически невозможно локализовать.

Проведение следственных и иных процессуальных действий без должного процессуального оформления поручений – это наиболее грубое процессуальное нарушение, граничащее со злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ и аналоги в других кодексах). Оно заключается в фактическом исполнении органом дознания функций, присущих исключительно следователю, при полном отсутствии письменного документа, юридически порождающего соответствующие полномочия.

Правовая база Российской Федерации (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 152 УПК РФ) однозначно требует письменной формы любого поручения о проведении следственных или розыскных действий. Однако глубоко укоренилась практика, когда следователь дает устные указания сотрудникам уголовного розыска провести допрос ключевого свидетеля, обыск или выемку документов в другом регионе либо в ночное время, стремясь обойти бюрократию.

Оперуполномоченные, действуя по этим указаниям, составляют протоколы от своего имени (что является неправильно, незаконно) или вносят в

них заведомо ложные сведения о том, что действовали по собственной инициативе в рамках ст. 157 УПК РФ [8].

При тщательном изучении материалов дела защитой выявляются хронологические несоответствия: например, протокол датирован временем, когда согласно табелю дежурств, следователь находился на суточном дежурстве в отделе и физически не мог дать распоряжение лицу, находящемуся в другой части города.

В Республике Беларусь (регулируется ст. 36, 186 УПК РБ) данная ошибка часто носит характер системного упрощения документооборота, особенно в сельской местности и небольших районных центрах с низкой нагрузкой. Следователи и оперативные сотрудники находятся в постоянном личном контакте, работают в одном небольшом здании, и делегирование полномочий происходит на бытовом уровне.

Процессуальным следствием становится неизбежное признание полученных протоколов (допросов, очных ставок) недопустимыми доказательствами (ст. 88 УПК РБ), поскольку они получены лицом, не наделенным соответствующей процессуальной компетенцией. Защита эффективно трактует это как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее оправдание подсудимого.

В Республике Казахстан проблема приобретает новый технологический аспект и обостряется при реализации межрегионального и международного сотрудничества. Имеют место случаи, когда поручения о производстве отдельных следственных действий направляются в другие территориальные органы исключительно посредством интегрированного банка данных (ИБД) МВД без последующего подтверждения бумажным документом с гербовой печатью, отправленным фельдъегерской связью. Территориальные подразделения уголовного розыска, опасаясь бюрократических задержек, приступают к исполнению электронного запроса немедленно. В случае технического сбоя системы ИБД, задержки синхронизации данных или

успешного оспаривания защитой самого факта отправки/получения цифрового поручения, законность проведенного обыска, выемки или опознания оказывается полностью разрушенной, так как отсутствует первоисточник полномочий.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ правоприменительной практики свидетельствует о глубокой конвергенции (сближении) проблем взаимодействия уголовного розыска и следствия во всех трех рассматриваемых юрисдикциях.

Причины этих дисфункций носят преимущественно организационно-управленческий и социально-психологический, а не сугубо нормативный характер. Сами законы достаточно четко прописывают процедуры, однако механизмы их реального исполнения дают сбой.

Во всех трех государствах наблюдается фундаментальный конфликт профессиональных интересов и целеполагания: следователь ориентирован на строгую формализацию каждого шага, соблюдение сроков и создание безупречной с точки зрения суда доказательственной базы. В то же время оперативный сотрудник нацелен на достижение быстрого тактического результата, получение упреждающей информации и сохранение ценного агентурного аппарата любой ценой.

Для минимизации указанных системных ошибок и разрыва этого порочного круга представляется целесообразной унификация подходов на основе передового опыта:

Технологическая модернизация: внедрение сквозных зашифрованных цифровых каналов прямой связи между конкретным следователем и закрепленным за делом оперуполномоченным, исключающих многоступенчатую передачу распоряжений и снижающих риск утечек.

Повышение ответственности: введение жесткой персональной материальной и дисциплинарной ответственности руководителей оперативных

подразделений за несоблюдение установленных законом сроков предоставления результатов ОРД.

Безусловность стандарта доказывания: законодательное закрепление правила полной недопустимости любых следственных действий, проведенных вне рамок надлежащим образом зарегистрированного и полученного письменного поручения, независимо от ценности и уникальности полученной таким путем информации.

Библиографический список используемых источников

1. Головко Л.В. Курс уголовного процесса. – М.: Статус, 2021.

2. Зайцев О.А. Легализация результатов ОРД в уголовном процессе.-М.: Проспект, 2023.

3. Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности / Под ред. В.М. Атмажитова. – М., 2022.

4. Смирнов А.В. Проблемы реализации сроков доследственной проверки //Вестник криминалистики – 2023.-№ 2.

5. Толеубекова Б.Х. Доказательственное право Республики Казахстан. – Алматы, 2020.

6.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З : в ред. Закона от 01.07.2024 № 354-З // Эталон. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (с изм. и доп.) // Официальный интернет-ресурс правовой информации Республики Казахстан.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г. № 174 – ФЗ (ред. от 28.02.2025)// СП КонсультантПлюс.

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРЕВЕНЦИИ НОВЫХ УГРОЗ

Сорокина Дарья Андреевна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
Sorokinad241@gmail.com
Научный руководитель:
Куликова Ольга Валентиновна,
к. ю. н., доцент кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
kulikovaov.sgap@rambler.ru

Аннотация: В представленной статье исследуется сущность экологических преступлений сквозь призму их негативного воздействия на состояние общественной безопасности. Авторами анализируется действующее уголовное законодательство, статистические показатели и правоприменительная практика, раскрывающие высокую степень латентности и общественной опасности подобных деяний. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов противодействия экологической преступности для обеспечения устойчивого развития и защищенности социума.

Ключевые слова: общественная безопасность, окружающая среда, уголовная ответственность, экологические преступления, экологический ущерб.

ECOLOGICAL SECURITY IN THE SYSTEM OF ECOLOGICAL AND LEGAL PROTECTION: PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY AND PREVENTION OF NEW THREATS

Sorokina Darya Andreevna,
4th-year student
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
Sorokinad241@gmail.com
Scientific supervisor:
Kulikova Olga Valentinovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department
of Land and Environmental Law
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
Kulikovaov.sgap@rambler.ru

Abstract: The article examines the essence of environmental crimes through the lens of their negative impact on public safety. The authors analyze the current criminal legislation, statistical data, and law enforcement practice, which reveal the high degree of latency and public danger of such acts. The necessity of improving mechanisms to counter environmental crime in order to ensure sustainable development and the protection of society is substantiated.

Keywords: public safety, the environment, criminal liability, environmental crimes, environmental damage.

Современное осмысление криминальных посягательств на окружающую среду диктует необходимость их рассмотрения не просто как причинение вреда отдельным компонентам биосферы, но как комплексную проблему, подрывающую основы стабильного существования социума. В современном мире, где прогресс и индустриализация стремительно развиваются, экологические преступления становятся все более злободневной темой в силу того, что они представляют собой серьезную угрозу не только для окружающей среды, но и для общественного здоровья и экономического благополучия стран. Традиционный доктринальный подход, сводящийся к констатации ущерба от классических видов браконьерства или вырубки лесов, в условиях постиндустриального общества исчерпал свой эвристический потенциал [2, с. 490]. Сегодня назрела острая необходимость переосмысления экологической преступности через призму неочевидных, отложенных во времени угроз.

Экологические преступления напрямую затрагивают интересы неопределенного круга лиц, ухудшая качество жизни, провоцируя рост заболеваемости и создавая долгосрочные риски для нормального функционирования общественных институтов. Причиняемый природе ущерб неизбежно трансформируется в социальные и экономические потери, что выводит защиту экологии на уровень приоритетных задач правоохранительных органов. В научной доктрине справедливо отмечается, что экологические преступления могут оказывать негативное влияние не только на окружающую среду и здоровье людей, но и на безопасность государства в целом [5, с. 260]. Понимание понятия экологических преступлений требует разграничения между ними и другими формами взаимодействия человека с окружающей средой. В правовом плане экологические преступления, как правило, обозначают нарушения законов, регулирующих охрану окружающей среды, имеющие умышленный или халатный характер; ключевым моментом здесь является умысел или небрежность, влияющие на степень ответственности и вид воздействия на экосистемы [1, с. 170].

Законодательная база противодействия рассматриваемым деяниям сосредоточена в главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, нормы которой призваны охранять стабильность экологического правопорядка. Наиболее часто регистрируемыми и наносящими колоссальный урон являются преступления, предусмотренные статьей 260 УК РФ и статьей 258 УК РФ [3, с. 143]. Конструирование объективной стороны большинства экологических составов связывается законодателем с наступлением общественно опасных последствий в виде существенного вреда, массовой гибели животных или иных тяжких последствий, что прямо указывает на их угрозу для социума. Исследователи подчеркивают тесную связь правового регулирования и криминализации данных деяний с необходимостью поддержания экологической безопасности, которая выступает неотъемлемым структурным элементом общественной безопасности [4, с. 522].

Однако авторский анализ конструкций указанных норм выявляет существенный правовой пробел: действующий УК РФ ориентирован исключительно на фиксацию одномоментного, быстро наступающего ущерба. В рамках данного исследования предлагается ввести в уголовно-правовой оборот категорию «накопительного (кумулятивного) экологического вреда» — постепенного разрушения экосистем вследствие систематических, но формально разрозненных нарушений нормативов. Отсутствие механизма суммирования такого вреда в действующем законе позволяет промышленным предприятиям-загрязнителям десятилетиями избегать уголовной ответственности, оставаясь в рамках мягкой административной юрисдикции.

Эффективность правоприменительной деятельности в данной сфере серьезно осложняется спецификой самих посягательств, в первую очередь их высочайшей степенью латентности и сложностью фиксации причинно-следственных связей между действиями виновных лиц, и наступившим вредом. Экологические преступления представляют собой одну из главных угроз экологической безопасности современного мира - они охватывают широкий

спектр деяний, от незаконной вырубки лесов и браконьерства до загрязнения окружающей среды химическими веществами и отходами, что приводит к непоправимому ущербу для природных экосистем, сокращению биоразнообразия и изъятию из природы ресурсов, которые должны были бы служить будущим поколениям. Процесс доказывания требует привлечения значительного массива специализированных экспертиз и длительного мониторинга, тогда как преступные элементы постоянно совершенствуют способы сокрытия следов загрязнения атмосферы, водоемов или нелегальной добычи ресурсов. Опираясь на данные криминологической статистики, ученые делают вывод о том, что анализ и статистическая оценка современного состояния экологической преступности позволяют выявить основные негативные тенденции и разработать пути повышения эффективности выявления девиантного поведения в данной сфере [1, с. 177]. В качестве конкретной меры решения проблемы доказывания предлагается законодательное закрепление презумпции наступления экологически значимого вреда (ч. 1 ст. 250, ч. 1 ст. 251 УК РФ) при условии документально подтвержденного систематического (более трех раз в течение года) превышения лимитов предельно допустимых выбросов (ПДВ) в критических масштабах.

Судебная практика демонстрирует сложность квалификации подобных деяний и оценки реального масштаба вреда, причиненного общественным интересам. Признаками экологического преступления являются: направленное противоправное действие или бездействие, приводящее к нарушению норм и правил экологического законодательства; наличие вреда или угрозы его нанесения природной среде, здоровью людей; общественная опасность совершаемого действия или бездействия, они могут быть совершены как отдельными лицами, так и организациями или даже государствами [4, с. 521]. Подобные примеры наглядно иллюстрируют, как преступления против природы перерастают в непосредственную угрозу базовым потребностям и безопасности

широких слоев населения, требуя назначения соразмерного и строгого уголовного наказания.

Одним из наиболее опасных и наименее урегулированных вызовов современности выступает противоправная деятельность в области генной инженерии. Действующее российское уголовное законодательство упускает категорию высокотехнологичных деяний как самостоятельный вид экологического преступления. Правоприменитель в исключительных случаях вынужден обращаться к смежным, не вполне релевантным составам, например, квалифицируя содеянное по статье 248 УК РФ, что совершенно не охватывает специфику несанкционированного изменения генома и незаконного оборота трансгенных организмов.

Для устранения данного правового вакуума требуется концептуальное расширение главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации путем введения специализированных норм, устанавливающих строгую ответственность за незаконную деятельность в сфере синтетической биологии и биотехнологий. В частности, элементом научной новизны данного исследования выступает предложение о дополнении УК РФ новой статьей 248.1 «Незаконный оборот генетически модифицированных организмов и нарушение правил генно-инженерной деятельности, создающие угрозу экологической безопасности». Объективная сторона предлагаемого состава должна охватывать не только сам факт нарушения правил безопасности при обращении с патогенами (как в действующей ст. 248 УК РФ), но и несанкционированный выпуск трансгенных организмов в открытую среду, повлекший угрозу генетического загрязнения аборигенных видов флоры и фауны. Только опережающая, превентивная криминализация таких новых видов экологически опасного поведения позволит государству выстроить надежный правовой барьер против биологических угроз нового поколения.

Подводя итог, следует констатировать, что экологическая преступность эволюционировала в системную угрозу общественной безопасности,

противодействие которой требует междисциплинарного подхода и консолидации усилий всех государственных структур. Экологическая безопасность сегодня является не только защитой экосистем и сохранением биоразнообразия, но и вопросом международной безопасности, требующим комплексного подхода и сотрудничества стран на всех уровнях.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сформулировать ряд новаторских предложений. Совершенствование уголовного закона должно идти по пути дифференциации ответственности за накопительный экологический вред (путем криминализации систематических посягательств, суммарный эффект которых влечет деградацию экосистем) и усиления превентивных механизмов в сфере высоких биотехнологий. Только через осознание неразрывной связи между состоянием окружающей среды и безопасностью общества возможно сформировать эффективную правовую модель, способную минимизировать криминальное воздействие на экосистему государства.

Библиографический список использованных источников

1. Гаджиев Н.Г., Коноваленко С.А., Ахмедова Х.Г., Гаджиева У.А., Трофимов М.Н., Корнилович Р.А. Анализ и статистическая оценка современного состояния экологической преступности, пути повышения эффективности их выявления // Юг России: экология, развитие. – 2023. – Том 18. – № 1. – С. 169-180.

2. Гермашов Б.А., Деточкин М.С. Понятие и виды экологических преступлений: проблемы и последствия // Вестник науки. – 2023. – № 6 (63). – С. 489-492.

3. Голубев С.И. Классификация экологических преступлений: критический анализ уголовно-правовой литературы // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 10 (83). – С. 142-145.

4. Махов А.Р., Агаджанян Э.М., Бетуганов А.А. Экологические преступления как угроза экологической безопасности // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2. – С. 520-523.

5. Сагиндикова З.М., Абдулатипов А.М. Экологические преступления в контексте национальной безопасности государства // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 259-262.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №7

Сентябрь 2026 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2026